

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

12/2015

Учредители
журнала:
ОАО «Молодая
гвардия»
и коллектив
редакции

Главный
редактор
Ю.И. Кочетков

Редакционная
коллегия:
С.В. Винокурова
В.З. Денискина
Г.С. Еремеев
И.Н. Зарубина

О.В. Клековкина
Ю.И. Котов
В.В. Кулешов
И.И. Семёнова
Г.А. Смирнов
А.В. Тимофеев
А.П. Торопцев
О.В. Шевкун

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуйте, мои дорогие школьницы и школьники!	1
Встречаем Новый год!	3
Где прячется счастье? или Простой способ стать счастливым в новом году	13
Оливье — человек и салат	18
ПРОБА ПЕРА	26
НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
Владимир Палаткин. Зима	30
Валентин Летов. Ёлка	30
Дмитрий Алёшин. Первый снег	31
Людмила Попова. Зимой	32
Курьёзное стихосложение	33
АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
Николай Ярославцев. Стихи	46
Марина Дружинина. Загадки	48
Наталья Волкова. Лучший Новый год	51
Сергей Георгиев. Рассказы	62
Александр Дорофеев. Вечная мерзлота	80
ЗАТЕЙНИК	92

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ МОИ ШКОЛЬНИЦЫ И ШКОЛЬНИКИ!

Вот и ещё один год подходит к концу. Уж и не знаю, радоваться мне, старику, этому или нет — я же на целый год старше стал! Впрочем, вы тоже. Но признайтесь, что чудес в наступающем году и подарков от меня вы всё-таки ждёте. Я это точно знаю: с утра до вечера читаю ваши письма, а их с каждым днём только больше становится. Засомневался я, что успею до Нового года каждому лично ответить, и решил написать вам одно письмо на всех.

А как быть с подарком? Что можно подарить сразу всем и чтобы все были довольны? Долго голову ломал и придумал — раскрою вам волшебный секрет, как сделать так, чтобы все ваши мечты исполнялись, чтобы родители и учителя удивлялись, как это у вас всё так хорошо получается, и чтобы каждый про себя мог бы сказать: «Ну ничего себе! Я сам от себя такого не ожидал! Вот это да!»

Думаете, что это невозможно? Очень даже возможно, и без волшебной палочки и магических заклинаний. Секрет мой очень простой — надо научиться не терять время даром! Вам ещё не жаль потраченного впустую времени? Увы, очень скоро, дописывая на рассвете домашнее сочинение, заданное ещё на прошлой неделе, вы будете спрашивать себя: «Ну почему я не написал его раньше?.. Зачем смотрел вчера весь день дурацкий сериал?.. О чём я вчера три часа болтал по телефону со Светкой?» Зачем и с какой стати, отчего и почему? А потому, что вы ещё не научились ценить время и правильно расходовать эту драгоценность. Тратить время легко, а верно распределять его — гораздо сложнее.

Вы разочарованы моим подарком? Хотели чего-то волшебного, необыкновенного? Не огорчайтесь, вы его обязательно оцените, когда будете спокойно засыпать накануне контрольной или экзамена с приятным чувством, что успели хорошо подготовиться и вас не испугает любой вопрос.

Не буду в канун Нового года морочить вам голову своими советами, но в следующем году в первом же номере «Школьного вестника» обязательно расскажу, как научиться управлять временем.

А пока встречайте самый весёлый праздник в году, наслаждайтесь долгожданными каникулами да смотрите не забывайте, что пролетают они быстро! Так что желаю вам провести их так интересно и весело, чтобы приятных воспоминаний до лета хватило.

С Новым годом!

Ваш Дед Мороз

ВСТРЕЧАЕМ НОВЫЙ ГОД!

Праздников в календаре много. Если есть желание, праздновать можно буквально каждый день — то ли какое-то особенное событие, то ли памятную дату. А на некоторые дни праздников приходится так много, что хватило бы и на неделю. Но помним ли мы об этих праздниках? И только

Новый год не оставляет равнодушным никого. Его ждут с нетерпением все — и дети, и взрослые.

Новый год — праздник необыкновенный, он чудесным образом соединяет прошлое, настоящее и будущее. Новый год — это и веселье, и сожаление о быстро проходящем времени. В Новый год мы оглядываемся в прошлое и мечтаем о будущем, нам кажется, что уж в следующем году мы обязательно начнём новую жизнь и приблизимся к исполнению своей мечты.

А какая самая заветная мечта у школьников? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Кто-то мечтает стать министром образования, отменить контрольные, ЕГЭ, домашние задания и вообще подумать наконец-то о детях, а кто-то — получить первое место на международной олимпиаде по математике. Но не будет ошибкой предположить, что почти все — от первоклассника до выпускника — мечтают об идеальном учителе. А пока он ещё не появился на пороге вашего класса, попробуйте найти общий язык с теми, кто уже пытается вложить в ваши головы представление о «разумном, добром и вечном».

Трудно не согласиться с утверждением Уинстона Черчилля, что школьные учителя обладают властью, о

которой премьер-министры могут только мечтать. Но представьте, что ваши все знающие и все понимающие учителя, как и самые обычные люди, находятся под властью звёзд. Поэтому, чтобы лучше понять вашего педагога и избрать правильную линию поведения, воспользуйтесь простыми астрологическими рецептами. Может, и вправду поможет?

Овен

Темпераментные «овечки» открывают гороскоп и по жизни стремятся быть в авангарде. Так и в работе: им нужно всё и немедленно. Фразу «Командовать парадом буду я!» вы можете услышать от них по несколько раз за день. Все школьные линейки, конкурсы, смотры, викторины, олимпиады, праздники, спартакиады и т.д. и т.п. — это для них. Сама жизнь выбрала Овна на роль школьного полководца. Но это только про тех, кто решил остаться в школе надолго и всерьёз.

В девяноста случаях из ста Овен в школе недавно и ненадолго. И не потому, что он плохо относится к детям, просто ему может не хватить терпения. В голове у такого учителя всегда множество идей, требующих немедленного осуществления. Он искренне думает, что классу они понравятся, и ждёт, что он в ответ немедленно проявит бурный энтузиазм. Овен упорно не желает расстаться со своим наивным убеждением, что для его учеников жизнь и школа — одно и то же.

Вывести Овна из себя совсем не трудно. Он вспыльчив, и в гневе его бывает слышно на нескольких этажах. Но он не станет держать зла. Таким педагогам лучше всегда говорить правду: Овны не любят, когда им врут.

Телец

Во все времена люди пытались обрести смысл жизни. Кто-то искал его в религии, кто-то в любви. Телец нашёл его в работе.

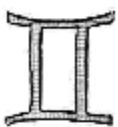
Не стоит испытывать его терпение. Он способен стойко выносить шум на пределе возможностей человеческого уха и не обращать внимания на звонок мобильного у ученика на первой парте во время объяснения нового материала. Но если его терпение лопнет — берегитесь. Забодает и затопчет.

У Тельца всё идёт по плану: сегодня разбираем новый материал, через неделю пишем контрольную. И ничто — кроме приземления в школьном дворе НЛО — не заставит его отступить от намеченной программы. Поскольку на такую удачу надеяться не приходится, лучше на всякий случай всегда быть готовым к уроку.

Более всего Тельца раздражает непостоянство. Если вам нравится пересаживаться в классе с места на место, экспериментируйте на уроках других учителей.

Телец-учитель — человек обстоятельный, и это качество он надеется увидеть и у своих учеников. Так что сочинения пишите подлиннее, а на уроке отвечайте со всеми подробностями. Телец любит задавать на дом столько, что на остальные уроки времени может не хватить. Зато всегда поддержит идею устроить вечеринку с музыкой и танцами, потому что обожает праздники и весёлую компанию.

Близнецы

У Близнецов есть чувство юмора, а это великая вещь, особенно для школьного учителя. Оно

не раз спасёт его самого от сердечного приступа, а его подопечных от двоек и не даст классу заснуть на уроке.

Учитель, рождённый под этим знаком, имеет не очень приятную для учеников слабость: слишком часто, по мнению школьников, давать без предупреждения проверочные работы. Зато у него есть и одно бесценное для невыучивших урок качество — все Близнецы любят поговорить. Отвечая у доски, можно попробовать его разговорить. Если получится, беседа в конце концов уйдёт далеко от темы урока и закончится, только когда прозвенит звонок

Почти все учителя-Близнецы — эксперты по части списывания, так что их предмет лучше учить.

Рак

Девиз Рака — «Делай, что должно, и будь, что будет». Главное — ему в этом не мешать. И вообще обращаться с ним стоит очень осторожно. Его очень легко обидеть.

Обиженный невниманием к своему предмету, Рак уходит в себя. А чем это кончится для расшалившегося класса — большой вопрос. Поэтому важно не пропустить этот момент и немедленно начать задавать ему вопросы. Конечно, если в классе найдётся кто-нибудь, кто уловил хотя бы о чём он начал рассказывать.

Рак очень любит свой предмет и хочет, чтобы ученики любили его тоже. Ему мало тишины в классе. И даже внимания мало. Ему нужно соперничество своих учеников.

Рак может быть весёлым и милым и часто привязывается к ученикам, проявляющим интерес к его пред-

мету. Но не стоит терять бдительности, полагая, что с этим учителем легко справиться. Советуем помнить о том, что под знаком Рака родился великий римский полководец Гай Юлий Цезарь. Может, он тоже часто обижался, но полмира завоевал.

Лев

 Льва не надо дразнить, его надо приручать. Ему нравится быть прирученным, но он это тщательно скрывает. Поэтому, если класс будет вести себя с ним, как с хищной, но милой и добродушной киской, он таким и будет. А если ученики будут видеть в нём дикого зверя и соответственно с ним обращаться, то в ответ он будет рычать и показывать клыки и когти. Если класс выберет второй вариант, Лев продемонстрирует все банальные педагогические приёмы — изгнание из класса и разрешение вернуться только на следующий день с родителями, замечания в дневнике с подробным описанием всех подвигов провинившегося и так далее. Выбор за вами.

Его любимое место в школе вовсе не класс, наполненный всеми мыслимыми и немыслимыми наглядными пособиями по его предмету. Это сцена в школьном актовом зале. И если в школе есть театральная кружок и им руководит Лев, значит, повезло всем. И актёрам, и зрителям, а главное — Льву-режиссёру.

Если учитель-Лев оставляет двоечника на дополнительные занятия, не стоит возражать и сидеть с кислой миной, а лучше сразу признаться, что уроки не учил или просто трудно даётся этот предмет. Лев хоть и хищник, но великодушный: порычит для порядка и все терпеливо объяснит.

Дева

Больше всего на свете Дева любит порядок. Лучше опоздать на поезд, чем на её урок. Сама-то она приходит в школу первой. Почерк у неё идеальный, в конспектах уроков ни одного исправления. Поэтому тетради по её предмету лучше держать в чистоте и порядке, в целях вашей личной безопасности.

Дева ценит в людях пунктуальность и дисциплинированность. Ученики, не разделяющие это её мнение, вызывают у неё удивление. Дева запоминает всякие мелочи. Например, если она даёт поручение, то в отличие от ученика ни за что об этом не забудет и не оставит его в покое, пока оно не будет выполнено.

Простить невыученный урок Дева может только в одном случае — если вы скажете, что нездоровы. Она даст вам много полезных советов и даже отпустит с занятий. Но как человек ответственный вечером обязательно позвонит вашим родителям, чтобы справиться о действенности её советов и вашем самочувствии.

Весы

Учитель, рождённый под знаком Весов, совершенно не переносит шума в классе. Резкие звуки выводят его из равновесия, и тогда он не может толком ответить ни на один вопрос учеников. Настроение Весов очень изменчиво: что вчера было хорошо, сегодня — плохо. В этом случае с учителем бесполезно спорить, лучше постараться переключить его внимание на другую тему, немного ему польстив. Например, сказать, что вам очень понравилась книга, которую он вам советовал прочитать. И что-то в этом роде.

Зато у учителей-Весов есть замечательное качество — они не очень любят вызывать в школу родителей и вмешиваться в конфликты между учениками. Но если на-зрел серьёзный разговор с самим учителем, увилывать от него не стоит, ситуация только осложнится. К такому разговору надо подготовиться. Если вы явитесь в ярко-оранжевом свитере и джинсах в жёлто-фиолетовую полосу, то будь вы хоть трижды правы, переубедить учителя у вас не получится.

Скорпион

 Девиз Скорпиона — «Умри, но будь!» И с этим ничего не поделаешь. С такой установкой ему удаётся превращать самых неугомонных озорников в послушных деток одной лишь силой взгляда. А взгляд у него пристальный и как бы буравящий. Слабонервные его переносят с трудом.

Скорпион, как известно, первым не жалит. Но никогда не знаешь, что от него ждать. Одно неверное движение, слово невпопад — и виновнику нарушения тишины и порядка достанется порция яда. Спорить с таким учителем бессмысленно и небезопасно. Если кого-то угораздит навлечь на себя его гнев, лучше сделать вид, что тут никого нет.

В общении со Скорпионом есть один секрет. Нельзя показывать, что ученики его боятся. Держаться надо с достоинством и, как хорошему солдату, пулям не кланяться. Ученикам преподавателя-Скорпиона придётся ежедневно демонстрировать свои блестящие способности. Только таким образом удастся заслужить его расположение.

Утешаться можно мыслью о том, что общение со Скорпионами учит выживать в экстремальных ситуациях.

Стрелец

Стрелец — человек прямой. Он не станет ходить вокруг да около, а сразу скажет, что думает об ученике или о какой-то проблеме. Когда Стрелец-педагог ещё учился в старших классах, он запомнил строки Некрасова: «Сейте разумное, доброе, вечное... Сейте — спасибо вам скажет сердечное русский народ». Именно с этой целью он и пришёл в школу. Если он вдруг вышел из себя, значит, на каком-то участке его посевная идёт плохо, всходы чахлые и их слишком мало. Но руки опускать он не будет, подумает и создаст для всходов новые подходящие условия.

Если ваш классный руководитель Стрелец, готовьте рюкзаки и палатки. Стрельцы любят походы и путешествия и обязательно предложат и вам помокнуть в лесу под дождём, потопать с рюкзаком по пересечённой местности и научиться обходиться без сладкого и Интернета. Зато вы научитесь петь под гитару и разжигать костёр одной спичкой.

Козерог

Спорить с Козерогом бесполезно. Он убеждён в том, что всегда прав. И ещё он старше и главнее. Так что лучше просто кивать в знак согласия и смотреть ему в глаза. Когда он произносит «Надо!», следует немедленно соглашаться. Разжалобить Козерога слезами довольно сложно. Если ученик провинился, не надо ждать, когда учитель призовет его на

серьёзный разговор. Лучше прийти самому и свою оправдательную речь начать так: «Мне необходим ваш совет!..»

Козерог обожает дисциплину и всякие полезные мероприятия.

Для умиротворения Козерога лучше всего подарить ему и повесить в классе пустынный горный пейзаж. И время от времени спрашивать: «Правда, красивая картина?»

Водолей

С ним не соскучишься. Вообще Водолей в школе — явление странное. Как белая ворона. В школе жизнь устроена по правилам и подчинена расписанию. А Водолей не любит жить по правилам и выпадает из общего распорядка. Он может опоздать на урок или растянуть его на перемену. В классе от него можно ждать чего угодно, вплоть до песен на китайском языке.

Но иметь с ним дело легко, потому что учитель-Водолей держится с учениками на равных. И поскольку друзей у него обычно полмира, у его учеников есть все шансы попасть в их число. Он из тех преподавателей, с которыми хочется общаться и после уроков.

Чаще всего ученики обожают такого учителя, так что никаких дополнительных рекомендаций по налаживанию отношений с преподавателем-Водолеем не требуется.

Рыбы

Его надо беречь. Школа для Рыб — не самая подходящая среда обитания. Нравы там суровые, а они — люди чувствительные; в детстве не любили

книжки с плохим концом, не смотрели ужастика и боялись вампиров. И если уж они работают в школе, значит, действительно любят свою профессию.

Чаще всего Рыбы встречаются среди преподавателей химии. Должно быть, процесс выпаривания и смешивания разных порошков и растворов действует на них завораживающе. Если ученики на уроке начинают буянить, Рыбы выходят из класса и ждут, пока беспорядки сами собой прекратятся. Но, конечно, они могут очень обидеться.

Рыб надо беречь ещё и потому, что они, как никто, способны пожалеть. В трудной ситуации можно и слезу пустить.

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ СЧАСТЬЕ? ИЛИ ПРОСТОЙ СПОСОБ СТАТЬ СЧАСТЛИВЫМ В НОВОМ ГОДУ

Почему мы любим читать гороскопы, даже если не очень в них верим, открытия какой тайны мы от них ждём? Кто я и на что могу рассчитывать в этой жизни — вот что хотим мы понять в первую очередь, примеряя советы астрологов к своим обстоятельствам. Мы надеемся, что звёзды дадут нам то, чего мы больше всего желаем: счастье. А главное — укажут, где его искать.

На эти вопросы ответ лучше искать у психологов, а не у астрологов. Хотя путь к счастью давно был известен древним мудрецам, и они не скрывали его от людей. Просто они их плохо слушали.

Существует такая старинная притча о счастье.

Как-то раз боги, собравшись, решили поразвлечься. Один из них сказал:

— Давайте спрячем от людей счастье.

Вот только куда его спрятать? Первый сказал:

— Давайте запрячем его на вершине самой высокой в мире горы.

— Нет, мы сделали людей сильными, кто-то сможет забраться на гору и найти его. Если найдёт один, все остальные сразу узнают, где счастье, — ответил другой.

— Тогда давайте спрячем его на дне моря!

— Нет, не забывай, что люди любопытны, кто-то сконструирует аппарат для подводного плавания, и тогда они обязательно найдут счастье.

— Спрячем его на другой планете, подальше от Земли!

— Нет, мы дали им достаточно ума, когда-нибудь они придумают корабль, чтобы путешествовать по мирам, откроют эту планету и обретут счастье.

Самый старый бог, который на протяжении всего разговора хранил молчание, сказал:

—Я думаю, что знаю, где нужно спрятать счастье. Спрячем его внутри них самих, они будут так заняты его поисками снаружи, что им и в голову не придёт искать его внутри себя.

Все боги согласились с ним, и с тех пор люди тратят всю свою жизнь в поисках счастья, не зная, что оно спрятано в них самих.

Так что такое счастье? Это как здоровье — пока оно есть, мы его не замечаем, но, потеряв, понимаем смысл и важность этого состояния.

Что же нужно людям для счастья, чего нам всем так не хватает, чтобы чувствовать себя счастливым? Этот вопрос задавали и задают себе люди во всём мире и во все времена.

Каждый понимает счастье по-своему, и на вопрос «Чего же лично вам не хватает для счастья?» вы можете получить столько же ответов, сколько будет согласившихся на него ответить.

Кто-то ответит, что ему не хватает денег, а кто-то ни на какие золотые горы не променяет любовь близких, их понимание и заботу. Кто-то мечтает о карьере, а кто-то о большой семье.

Спросите любого школьника перед ЕГЭ, чего ему сейчас не хватает для полного счастья, и он, не задумавшись,

мываясь, ответит — чтобы все экзамены были сданы, а баллы были бы такими, чтобы он мог поступить в тот институт, о котором мечтал!

Так есть ли универсальное средство достижения счастья? Психологи утверждают, что счастье — это вполне достижимая вещь, просто надо знать, где его искать, а многие люди, ищут его в тех местах, где его нет и никогда не было.

Итак, как же стать поистине счастливым? Каждый сам кузнец своего счастья, поэтому не стоит особо полагаться на удачу и выигрыш в лотерее, а лучше приложить все возможные и невозможные усилия, чтобы однажды сказать о себе: «Я счастливый человек!»

Во-первых, подойдите к зеркалу и улыбнитесь. Это самый первый, очень простой и невероятно эффективный шаг навстречу своему счастью. Попробуйте настроиться на позитивное восприятие мира и окружающих.

Во-вторых, определите для себя параметры собственного счастья. Иногда бывает так сложно честно признаться себе, чего же на самом деле вам не хватает. Не примеряйте на себя чужое счастье, чужое останется чужим, а может, и сделает вас несчастным. Вы же не покупаете туфли не своего размера, даже если они очень вам нравятся. Быть счастливым — это прекрасная цель, но чтобы её достичь, её нужно видеть и чётко себе представлять. Попробуйте спокойно сесть, закрыть глаза и представить себя счастливым. С кем вы счастливы? А кто, напротив, делает вас несчастным? Вспомните моменты вашей жизни, когда вам было действительно хорошо и жизнь казалась прекрасной. А они у вас обязательно были, и не один раз. Определите для

себя, по каким признакам вы поймёте, что вы счастливы, иначе оно может наступить, а вы и не заметите.

В-третьих, живите сегодня и сейчас. Если вы проанализируете свои мысли, наверняка поймаете себя на том, что вспоминаете события прошлого или раздумываете над будущим. А как же сегодняшний день? Неужели ничего вас не радует здесь и сейчас? Тогда вряд ли возможно стать счастливым в будущем, ведь придёт время, и это самое будущее станет настоящим. Так в ожидании счастья может пройти вся жизнь.

В-четвертых, нужно любить и принимать себя таким, какой вы есть. Человек не может стать счастливым, если не нравится даже самому себе. Возьмите лист бумаги и напишите все свои достоинства, все свои достижения, а их наверняка немало! Перечитывайте свои записи почаще, дополняйте список новыми победами над собой и над обстоятельствами. Это поможет поднять собственную самооценку.

Недостатки надо постараться искоренить, а если это невозможно в силу каких-либо обстоятельств, попробуйте превратить их в достоинства. Помните поговорку «Наши недостатки — это продолжение наших достоинств». Значит, возможен и путь в обратном направлении. Например, «я не тормоз, я медленный газ». Или — «я не зануда, просто я уделяю много внимания деталям».

В-пятых, очень важно организовать свой день так, чтобы у вас не оставалось ничем не занятого времени. Запишитесь в секцию, о которой мечтали, начните изучать иностранные языки или осваивать какие-то интересные компьютерные программы. И не бойтесь чего-то не успеть — глаза боятся, а руки делают!

И, наконец, никогда и никому не завидуйте! У каждого не только своё счастье, но и свои беды. У поэта Андрея Дементьева есть такие строки: «Кто-то в гении выбился, кто-то в начальство... Не жалеете, что вам не досталось их бед». Если вы почувствуете, что кому-то завидуете, подумайте вот о чём: «Хотел бы я стать человеком, которому завидую?» Конечно же нет, вы же любите себя, даже если не хотите себе в этом признаться.

Люди часто соперничают тем, кто попал в трудную жизненную ситуацию, и порой не очень любят тех, кто счастлив. Получается, удобно быть несчастным, чтобы тебя жалели, помогали, оберегали. А кто кинется помогать счастливому человеку? Научитесь искренне радоваться за тех, кто нашёл своё счастье, и постарайтесь быть к людям чуточку добрее, и тогда обязательно счастье постучится в вашу дверь. Будьте готовы его узнать и встретить.

Наверняка вам знакома такая ситуация, когда у человека вроде бы всё есть для счастья, а он несчастен. А всё потому, что мы либо вспоминаем прошлые промахи и понапрасну мучаем себя прошлым, либо ломаем голову, как быть в будущем, тогда как сейчас, в настоящем, у нас всё для счастья имеется. Помните, что счастливыми нас делают не обстоятельства, а наша готовность стать счастливым и довольствоваться тем, что имеем.

ОЛИВЬЕ — ЧЕЛОВЕК И САЛАТ

Откуда пошла традиция встречать Новый год именно за праздничным столом? При Петре Первом, который и ввёл празднование Нового года в ночь с 31 декабря на 1 января, главным на празднике был не обильный стол, а пышные балы. Почти до середины XIX века традиционного русского новогоднего меню не существовало, а то, что сейчас считается неременной принадлежностью старинного русского новогоднего стола — молочные поросята с гречневой кашей и гуся с квашеной капустой или яблоками, — на самом деле пришло со стола рождественского.

После революции празднование Нового года отменили. Но его всё равно встречали, правда, не все и без особых атрибутов и салютов, без танцев и свечек на ёлке. Старались вести себя тихо, чтобы не разбудить соседей. Вот тогда-то, надо полагать, и возникла привычка встречать Новый год за накрытым столом.

Постепенно складывались традиции праздничного стола, ведь Новый год — особый праздник и требует особых угощений. Хозяйки готовятся к нему заранее, продумывая до мелочей меню и выискивая в поваренных книгах изысканные рецепты. Но ни одно застолье — будь то стол в самом дорогом ресторане или студенческая вечеринка — не обходится без салата оливье, который стал для нас чем-то большим, чем просто вкусное и питательное блюдо. Оливье — это кулинарный символ Нового года да и вообще праздника.

Если вы не вегетарианец, если даже в такой праздник не нарушаете строжайшую диету, чтобы к 8 Марта влезть в новое платье, купленное к Новому году, то только непреодолимые катастрофические обстоятельства могут помешать вам отведать в новогодние праздники порцию вашего любимого салатика.

Картошка, морковка, зелёный горошек, мясо, яйца, огурцы, майонез или сметана — это почти полный набор главных элементов питания человека. На такой диете можно всю жизнь прожить на необитаемом острове, скучая лишь по другим традиционным новогодним угощениям — мандаринам и селёдке под шубой. В каком-то смысле оливье — собирательный образ российской потребительской корзины. Этот факт в конце 2000-х годов и натолкнул журналистов газеты «Труд» на мысль ввести «индекс оливье» по аналогии с индексом «Биг Мака». Благодаря салатному индексу статистические данные, хотя бы раз в году, понятны всем без дополнительных объяснений. Увидели цифры — и сразу понятно, что и на сколько подорожало.

А вот откуда у этого салата такое французское аристократическое название? Придумал и впервые приготовил этот салат в 1860-е годы повар-француз Люсьен Оливье. Сведений о его жизни сохранилось немного, возможно потому, что слыл он, по воспоминаниям современников, человеком замкнутым и жил одиноко. Родился он в 1838 году то ли во французском Провансе, то ли в Бельгии, но точно в семье потомственных кулинаров. Поварами были все его братья. В 1860 году совсем молодым человеком он приехал в Москву, надеясь найти здесь применение своим талантам. В России всегда с почтением относились к французской кухне, и

хорошие французские повара были в большой моде и почёте.

Люсьен Оливье быстро добился успеха, по Москве о нём пошла слава как о непревзойдённом кулинаре, и его наперебой приглашали в самые аристократические и богатые дома для устройства парадных обедов. Вероятно, он был не только талантливым поваром, но и неплохим коммерсантом. Прожив несколько лет в Москве, он понял, чего же не хватает Первопрестольной и что в то же время может сделать его богатым человеком. Ведь ради этого он и покинул свой Прованс.

Всевозможных трактиров в Москве было предостаточно, на разные кошельки и вкусы. Но не было ресторанов, подобных парижским, не было парижского шика. И Оливье решает открыть свой ресторан. В.А. Гиляровский в очерке «На Трубе», посвящённом Трубной площади в Москве, рассказывает об обстоятельствах, благодаря которым появился знаменитый впоследствии ресторан.

В 1860-е годы курение папирос ещё не было распространено, эта вредная привычка укоренилась у нас гораздо позже. Тогда в большом почёте был нюхательный табак, по-особому растираемый с различными добавками. Приготовлением такого табака занимались будочники (так в России до середины 1860-х годов называли низших полицейских чинов, следивших за порядком на перекрёстке улиц у караульной будки), каждый имел свой собственный рецепт и свою клиентуру. У будочника на Трубной площади среди покупателей были богатый московский купец Яков Пегов и известный в Москве повар Люсьен Оливье.

Часто встречаясь у будочника, Пегов и Оливье познакомились, присмотрелись друг к другу. Знакомство в скором времени переросло в общее дело — два предприимчивых человека решили открыть трактир-ресторан, с гостиницей и банями. Приобрели участок земли, на котором стояли та самая будка и соседнее с ней питейное заведение, известное как «Афонькин кабак», и заказали архитектору постройку нового здания. Не дожидаясь, пока закончится стройка, Оливье и Пегов занялись оформлением интерьеров и устройством кухни. Меньше чем через год первые гости переступили порог нового ресторана, удивлявшего всех поистине дворцовой роскошью отделки — беломраморными колоннами, сверканием люстр и блеском зеркал.

Новое заведение было названо «Трактир „Эрмитаж Оливье“». Слава о нём быстро распространилась по всей Москве. Для Москвы такое заведение было в новинку, от посетителей не было отбоя, и в карманы компаньонов потекла прибыль. По всем статьям «Эрмитаж» походил на парижский ресторан, причём самого высокого разряда, но было одно отличие: официанты были одеты не во фраки, а в традиционную для российских половых одежду — белую рубаху с широким поясом. Правда, рубахи были из тончайшего голландского полотна, а пояс — из натурального шелка. Абы кого в половые в этом заведении не брали, выбирались лишь рослые юноши с благообразной внешностью.

Ресторан «Эрмитаж» Оливье и Пегова стал излюбленным местом московской интеллигенции той поры. Здесь в 1877 году праздновали свадьбу Петра Ильича Чайковского с Антониной Милюковой. В апреле 1879 года чествовали Ивана Тургенева. В 1902 году Максим

Горький организовал банкет по случаю триумфально прошедшей премьеры пьесы «На дне».

В Татьянин день ресторан отдавался на откуп московским студентам и их профессорами. Прослушав литургию в университетском храме, студенты валили в «Эрмитаж». Полы в ресторане в этот день застилали соломой, дорогую посуду убирали подальше, закуски готовили попроще. Студенты, подогревшись спиртным, демократично братались с любимыми профессорами и дружно кричали: «Долой самодержавие!» Полиции в этот день давалось строгое предписание никого в участок не забирать и соблюдать политический нейтралитет.

Кулинар Люсьен Оливье скончался в 1883 году и упокоился на Немецком кладбище в Москве. Его совместное с купцом Пеговым детище отошло в конце девятнадцатого столетия товариществу «Эрмитаж» и прекратило своё существование с приходом к власти большевиков в 1917 году.

В годы нэпа в здании бывшего «Эрмитажа» была размещена «Столовая-кафе МСПО № 21», а затем «Дом крестьянина» с залом на 450 мест, где проводились культурно-воспитательные мероприятия для приезжавших в Москву крестьян. После войны здесь некоторое время размещалось какое-то министерство, а потом издательство «Высшая школа». Сегодня в нём размещается театр «Школа современной пьесы» под руководством режиссёра Иосифа Райхельгауза.

Но это всё было про человека, что же про салат? История происхождения знаменитого салата такова. Первоначально Люсьен Оливье изобрёл вовсе не салат, а блюдо под названием «Майонез из дичи». Для него отваренное филе рябчиков и куропаток резали и

выкладывали на блюдо попеременно с кубиками желе из бульона птицы. Рядом изящно располагали варёные раковые шейки и ломтики языка, политые соусом провансаль. А в центре возвышалась горка картофеля с маринованными корнишонами, украшенная ломтиками крутых яиц. По замыслу Оливье центральная «горка» предназначалась не для еды, а для украшения блюда.

Вскоре Оливье увидел, что многие гости сразу же перемешивают поданный «Майонез из дичи», разрушая тщательно продуманную красоту, раскладывают смесь по тарелкам и с удовольствием её едят. От такого варварства он пришёл в ужас — для его гостей вкус был важнее эстетики. На следующий день уязвлённый в самое сердце француз демонстративно смешал все компоненты, обильно полив их майонезом. И оказался прав — успех нового блюда был грандиозен! Так изначальная кулинарная идея Оливье практически сразу была отклонена теми, для кого он так старался, а придуманное им блюдо фактически поменяло «жанр» и стало визитной карточкой заведения.

Существует легенда, что Люсьен Оливье сумел сохранить втайне рецепт своего знаменитого салата и его важнейшего компонента — майонеза или соуса провансаль. Но в дореволюционных поваренных книгах существует как минимум два «истинных восстановленных» рецепта, имеющих весьма отдалённое сходство с современным салатом.

Так почему же, несмотря на то, что рецепты были опубликованы во времена очень близкие ко времени создания легендарного салата, по-прежнему бытует мнение о невозполнимой утрате рецепта? Видимо, труд-

но выйти из-под влияния авторитетного высказывания В.А. Гиляровского об унесённом в могилу рецепте: «Считалось особым шиком, когда обеды готовил повар-француз Оливье, ещё тогда прославившийся изобретённым им салатом, без которого обед не в обед и тайну которого не открывал. Как ни старались гурманы, не выходило: то, да не то». («Москва и москвичи»)

По всей вероятности В.А. Гиляровский имел в виду те времена, когда Люсьен Оливье работал «поваром по приглашению» и тогда же впервые приготовил свой «Майонез из дичи». Сохранять рецепт или важную его часть при небольшом количестве помощников ему было не трудно, к тому же это было оправдано с коммерческой точки зрения. Совсем другое дело после 1864 года, когда открылся трактир «Эрмитаж» и Оливье стал его совладельцем, причём заведовал он не кухней. По свидетельству того же Гиляровского: «Три француза вели всё дело. Общий надзор — Оливье. К избранным гостям — Мариус и в кухне парижская знаменитость — повар Дюге». Сложно представить, что директор ресторана, работающего круглосуточно и с постоянным аншлагом, занимался такой ерундой, как смешивание ингредиентов для салата в секретной комнатке, втайне от персонала большого кухонного производства. А учитывая размеры трактира и того, что без салата Оливье «обед не в обед» — это и вовсе маловероятно.

Так что история о тайне, унесённой в могилу, — всего лишь легенда, не имеющая ничего общего с действительностью.

Первоначальный рецепт салата за сто пятьдесят лет значительно изменился, зато он стер все границы и стал поистине народным. Оливье готовят от Калининг-

рада до Камчатки и часто спорят о том, каким должен быть правильный салат — символ Нового года. И поныне без оливье праздничный обед не в обед, хоть и называют его по-разному и готовят все на свой лад: с птицей, с мясом, с рыбой, с колбасой и даже с морепродуктами.

И не надо искать «исконный» рецепт и спорить об «истинном» составе салата — готовьте его так, как вам нравится, как готовит его ваша мама. Угощайте своих гостей и иногда вспоминайте добрым словом человека, благодаря которому этот салат появился в нашей жизни.

ПРОБА ПЕРА

Сергей Онац
ученик школы № 29 г. Георгиевска

В ДЕКАБРЕ

Мухи белые летели,
На дворы, на крыши сели.
Не сочтём мы белых мух,
Что летают, словно пух.

Воздух чистый, снег сверкает.
Нас мороз не испугает.
Все мы дружно приседаем
И совсем не замерзаем.

Скоро Дед Мороз придёт,
Нам подарки принесёт.
Будут счастливы все дети
На прекрасной всей планете!

Вера Чайко
ученица школы № 29 г. Георгиевска

ЗИМА

Рассердились ветры,
И шумит пурга.
Под белым одеялом
Сады, поля, луга.

Мечутся осинки
На крутом ветру,
И берёзки стынут
В дремлющем бору.

Ночью серебрится
Деревьев седина.
В свои права вступила
Волшебница зима.

Елизавета Олар
*ученица Верхнепышминской школы
им. Мартиросяна*

ДЕДУ МОРОЗУ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Здравствуй, весёлый волшебник зимы!
Пусть на душе твоей будут цветы,
Зайчики, лисы пусть будут с тобой.
С праздником, дедушка наш дорогой!

Ветер побольше пусть песен поёт,
Вьюга тебя пусть от зла бережёт,
Пусть веселит тебя вновь детвора,
Вечно пусть блещет улыбка твоя!

Артём Медников
ученик 3 класса школы № 127 г. Челябинска

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА

Жил-был в одной деревне мальчик Ероша, который очень любил Рождество. Он мечтал, чтобы Рождество

никогда не исчезало. А другой мальчик, Савва, который жил в соседнем доме, хотел, чтоб Рождество исчезло навсегда. И вот настал день, который следовал перед Рождеством. Ероша радовался и очень ждал этот праздник. А Савва в это время думал о том, как всё испортить, и придумал злой план.

Настала ночь Рождества. Ерошка проснулся и побежал скорее к ёлке. Но под ёлкой ничего не было! Выглянул мальчик на улицу, а там никто хороводы не водит, никто праздник не отмечает. Потеряли люди Рождество.

И стал народ спорить, как вернуть Рождество. Спорили-спорили, кричали-кричали да и надумали идти искать Рождество у Злого Духа, потому что только он мог утащить Рождество.

Жил этот Дух в тёмной пещере, где, как он думал, никто его никогда не найдёт. Вот идёт народ по тёмному лесу. Видят люди — пропасть впереди, и думают: как же перебраться?

Ероша не растерялся, притащил бревно и перекинул его через пропасть. Перешли все друг за другом. И увидел народ пещеру Злого Духа.

Вошли туда люди. Злодей на троне сидит.

— Чего пришли?! — закричал Злой Дух.

— Ты украл Рождество? — спросил народ.

— Я украл! Меня Савва ваш попросил. Я ещё и Савву себе прибрал. Ха-ха-ха! — захохотал Злой Дух.

Видит Ероша, — Савва, связанный по ногам цепями, лягушек варит. Хлопнул Ероша в ладоши, и прилетели его друзья цапли. Съели цапли всех лягушек и заклевали Злого Духа. Сняли люди с Саввы цепи и простили его. Пошли Савва с Ерошей Дух Рождества искать. Всё осмотрели — нет нигде!

Вдруг видят — в печи рождественский пирог стоит. И поёт пирог голосом Духа Рождества: «С Рождеством, с Рождеством! А я здесь спрятался».

Обрадовались мальчики, отнесли пирог людям. Разрезал народ пирог, все съели по кусочку, и в каждом стал жить Дух Рождества. Теперь его уже никто не украдёт!

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Владимир Палаткин

ЗИМА

Гудите, ветры, громче пойте,
Метель, над головой свисти...
Зима летит на быстрой тройке,
Лишь снег под полозом скрипит.

Возле большой дороги стоя,
Надвинув шапку набекрень,
О встрече с русской зимою
Мечтает клён не первый день.

И кто не любит в зимней пляске
Кружащихся снежинок рой?
И утра свет, как будто в сказке,
То розовый, то голубой.

Зима на бойкой тройке мчится,
Плащом укрывшись голубым.
За нею ветры вереницей
И снег столбом, как синий дым.

Валентин Летов

ЁЛКА

Здравствуй, ёлка! Лапу дай колючую!
Я её, пушистую, пожму.

Я ведь рад тебе, как другу лучшему,
Как большому другу моему.

В шубке из зелёного атласа,
Пахнувшая снегом и смолой,
Ты пришла из новогодней сказки,
Чтобы в этот вечер быть со мной.

Бусы брошу я тебе на плечи,
Дождиком блестящим оболью,
Всю осыплю огоньками свечек,
Яркие игрушки подарю...

Ёлка, ёлка — деревце зелёное,
Девочка из голубого сна.
Ты стоишь, румяная, смущённая,
Тихим светом вся озарена.

И в твоём приходе столько радости,
Нежности, уюта и тепла!
Ты не ждёшь похвал и благодарностей.
Чем богата — всё ты отдала.

Отдала без сожалений, весело,
Не тревожась о судьбе своей,
Отдала, чтоб этим стылым вечером
Радостнее было и теплей...

Дмитрий Алёшин

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Над просёлком, над тропой лосиной,
С облаков, что замедляют бег,

Падает неспешно и красиво,
Обновляя землю, первый снег.

В ковшики мальчишеских ладоней,
На леса девчоночьих ресниц
Падает и тонет, и не тонет
В омутах потёмкинских криниц.

Восхищённый, жаркими губами
Я снежинки-звёздочки ловлю
И, как в пору детства, улыбаюсь,
И, как в пору юности, пою.

Оттого и скуки нет во взоре,
Оттого и соловьиист мой смех,
Что неповторим и стихотворен
В мир влюблённый юный первый снег.

Людмила Попова

ЗИМОЙ

Под крепкой стеклянною крышей
Морозы упрячут волну,
Уснут и медведи, и мыши,
И спустятся рыбы ко дну.

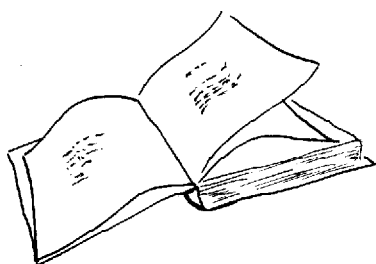
Под вой заунывный метели,
Как в мягких подушках, в снегах
Задремлют угрюмые ели
В старушечьих тёплых платках.

Но эти же ёлки, сверкая,
Украсят наш праздник собой.

Огней разноцветная стая
Заискрится в хвое густой.

Запахнут смолою иголки,
Закружится наш хоровод,
И возле красавицы ёлки
Мы будем встречать Новый год.

КУРЬЁЗНОЕ СТИХОСЛОЖЕНИЕ

Что отличает поэзию от прозы? На этот вопрос ответ есть у Пушкина: проза — «для выражения нужной мысли», а стихотворство — «для приятного проявления форм». И у него же: «Высокой страсти не имея для звуков жизни не щадить...» Но есть такие поэты, для которых кроме звуков важна ещё и форма написания стихотворения. Существует такой литературоведческий термин — визуальная поэзия. На первый взгляд, странное словосочетание. Ведь поэзия — это искусство звучащего слова, даже если мы не читаем стихотворение вслух. Однако с тех пор, как стихи стали записываться, звук неизбежно стал восприниматься вместе с буквой.

Неудивительно, что с течением времени появились стихотворения, рассчитанные исключительно на зрительное восприятие. В первую очередь это касается расположения букв. Особую популярность приобрели акrostихи. По-гречески «acro» значит «начальный». Акrostихом называется стихотворение, в котором первые буквы стихов (или строф) складываются в слово или фразу.

Первые акrostихи мы находим у древнегреческого комедиографа и поэта Эпихарма, жившего в V веке до н.э. (Кстати, выражение «Рука руку моет» приписывается именно ему.) Эпихарм фиксировал авторство своих стихов, просто зашифровывая в них своё имя. Так же поступал и древнеримский поэт Квинт Энний, акrostихи которого складывались в фразу «Q. Ennius fecit» (сочинил К. Энний).

Часто акrostихи служили шифром. Ранние христиане, подвергавшиеся жестоким гонениям, использовали особые знаки и символы, по которым они узнавали друзей и сподвижников. Одним из таких тайных знаков была рыба. Греческое слово «ἰσϋς» (рыба) скрывало в себе первые буквы фразы «Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель».

Акrostихи использовали в прокламациях русские революционеры. Ведь особый порядок чтения текста не может быть признан преступлением против властей. А в январе 1917 года писатель А. Амфитеатров спрятал в первых буквах газетного фельетона фразу: «РЕШИТЕЛНО НИ О ЧЁМ ПИСАТ НЕЛЬЗЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЦЕНзуРА БЕЗОБРАЗНИЧАЭТ ЧУДОВИЩНО».

В русской поэзии акrostихи, тогда их называли краестишие, известны с XVII века как стихотворная забава — ими писали дружеские и любовные послания. Как ни странно, особенно преуспел в составлении изощрённых акrostихов некий иеромонах Герман, сумевший даже в «Вольном переложении 140-го псалма» зашифровать своё имя — по левому краю псалма читается ещё один стих: «Герман, монах, моляся, писах».

В XVIII веке акrostих был одним из любимых салонных развлечений — на заданные слова или имена необходимо было виртуозно составлять изящные стихотворения. Особенно популярны были стихотворные загадки, где отгадка легко читалась по первым буквам строк:

Родясь от пламени, на небо возвышаюсь;
Оттуда на землю водою возвращаюсь!
С земли меня влечёт
планет всех князь к звездам;
А без меня тоска смертельная цветам.

Г. Державин

И ещё одна загадка от малоизвестного поэта Нелединского-Мелецкого, современника Державина:

Довольно именем известна я своим;
Равно клянётся плут и непорочный им,
Утехой в бедствиях всего бываю боле,
Жизнь сладостней при мне
и в самой лучшей доле.
Блаженству чистых душ
могу служить одна.
А меж злодеями — не быть я создана.

Гениальный акrostих написал мелом на грифельной доске буквально в последние часы своей жизни Державин:

Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей

И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.

(Читаем слева по вертикали «Руина чти», то есть «чести».)

Но особую популярность акrostихи приобрели в конце XIX — начале XX века. Большая часть из них предназначалась для альбомов и скрывала в левой вертикали имя адресата. Например, акrostих-сонет, записанный в 1909 году Николаем Гумилевым в альбом его знакомой Кати Кардовской:

Когда вы будете большою,
А я негодным стариком,
Тогда, согбенный над клюкою,
Я вновь увижу ваш альбом.

Который рифмами всех вкусов,
Автографами всех имён —
Ремизов, Бальмонт, Блок и Брюсов —
Давно уж будет освящён.

О, счастлив буду я напомнить
Вам время давнее, когда
Стихами я помог наполнить
Картон, нетронутый тогда.

А вы, вы скажете мне бойко:
«**Я** в детстве помню только Бойку».

(Бойка — имя собаки Кардовских.)

Или его посвящения Анне Ахматовой:

Ангел лёг у края небосклона,
Наклоняясь, удивлялся безднам.
Новый мир был тёмным и беззвёздным.
Ад молчал. Не слышалось ни стога.

Алой крови робкое биенье,
Хрупких рук испуг и содроганье,
Миру снов досталось в обладанье
Ангела святое отраженье.

Тесно в мире! Пусть живёт, мечтая
О любви, о грусти и о тени,
В сумраке предвечном открывая
Азбуку своих же откровений.

Аддис-Абеба, город роз,
На берегу ручьёв прозрачных,
Небесный див тебя принёс,
Алмазный, средь ущелий мрачных.

Армидин сад... Там пилигрим
Хранит обет любви неясной,

Мы все склоняемся пред ним,
А розы душны, розы красны.

Там смотрит в душу чей-то взор,
Отравы полный и обманов,
В садах высоких сикомор,
Аллеях сумрачных платанов.

Впрочем, акrostихи писались не только в альбомы романтических барышень. С большим пиететом относился к акrostиху король символизма Валерий Брюсов, любивший всяческие эксперименты с формой стиха:

Немеют волн причудливые гребня,
И замер лес, предчувствуя закат.
Как стражи, чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.

Любимый час! и даль и тишь целебней!
Алмазы в небе скоро заблестят;
Юг расцветёт чудесней и волшебней;
Бог Сумрака сойдёт в свой пышный сад.

Есть таинство в сияньи ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной.

Есть миг, когда и счастья не нужно:
Рыдать — безумно, ликовать — смешно —
У мирных вод, влекущих нас на дно.

Начальные буквы строк сонета составляют имя и фамилию адресата, которому посвящены стихи, — поэту Николаю Бернеру.

А вот обращение В. Брюсова к поэту Михаилу Кузьмину:

Мгновенья льются, как поток бессменный,
Искусство — радугой висит над ним.
Храни, храни, под ветром мировым,
Алтарь своей мечты, огонь священный!

И пусть твой стих, и пламенный и пленный,
Любовь и негу славит. Мы спешим
Улыбчивым созданиям твоим,
Как божествам, сплести венок смиренный.

Умолкли шумы дня. Ещё размерней
Звучит напевный гимн в тиши вечерней,
Мелькают лики, вызваны тобой.

И мы, о мусагет*, как пред святыней,
Невольно клонимся, — и к тверди синей,
Увенчан, ты возносишь факел свой.

И ответ М. Кузьмина:

Валы стремят свой яростный прибой,
А скалы все стоят неколебимо,
Летит орёл, прицелов жалких мимо, —

*Мусагет — вожатый муз, Аполлон.

Едва ли кто ему прикажет: «Стой!»
Рязящий меч готов на грозный бой
И зов трубы звучит неутомимо.
Ютясь в тени, шипит непримиримо
Бессильный хор врагов, презрен тобой.
Ретивый конь взрывает прах копытом.
Юродствуй, раб, позоря Букефала!
Следи, казнясь, за подвигом открытым!
О лет царя, как яро прозвучала
В годах, веках труба немолчной славы!
У ног враги, безгласны и безглавы.

Немало блестящих акrostихов-посвящений было написано такими прекрасными поэтами, как С. Есенин, И. Анненский, М. Кузмин, А. Ахматова, Б. Пастернак. Разумеется, в акrostихе, как и в любом другом стихе, всё решает талант.

Сергей Есенин

Рюрику Изневу

Радость, как плотвица быстрая,
Юрко светит и в воде.
Руки могут церковь выстроить
И кукушке и звезде.
Кайся нивам и черемухам, —
У живущих нет грехов.
Из удачи зыбы промаха
Воют только на коров.
Не зови себя разбойником,
Если ж чист, так падай в грязь.
Верь — телёнку из подойника
Улыбается карась.

Борис Пастернак

ПОСВЯЩЕНИЕ

Марине Цветаевой

Мельканье рук и ног и вслед ему:
«Ату его сквозь тьму времён! Резвей
Ревя рога! Ату! А то возьму
И брошу гон и ринусь в сон ветвей».
Но рог крушит сырую красоту
Естественных, как листья леса, лет.
Царит покой, и что ни пень — Сатурн:
Вращающийся возраст, круглый след.
Ему б уплыть стихом во тьму времён:
Такие клады в дуплах и во рту.
А тут носи из лога в лог, ату,
Естественный, как листья леса, стон.
Век, отчего травить охоты нет?
Ответь листвою, пнями, сном ветвей
И ветром и травю мне и ей.

Целый цикл акростихов есть у Николая Глазкова. Уже будучи зрелым мастером, он оставался на периферии большой литературы, его практически не печатали. Глазков был мастером словотворчества (знаменитый термин «самиздат» принадлежит именно ему), его поэзия полна игры, остроумия и тонкой иронии.

РАЗДУМЬЯ

1

Нам нравится удача без труда,
Она встречается не очень часто.

На счастье я надеюсь иногда,
Но лучше не надеяться на счастье.
Ему — уввы — сопутствует беда.

2

Трудиться надо с полной отдачей:
От творчества я человеком стал,
Но если вдохновенья не истрачу...
Есть выражение: мёртвый капитал.
Что может быть несчастнее колодца,
Который превращается в болотце?
Его воды никто не пожелал.

3

О доблестях, о подвигах, о славе
Любой чудаки мечтать, конечно, вправе,
Ещё не поздно, радужна мечта.
Что будет, если смолкнут птичьи песни?
Когда мечта, как летний сон, исчезнет,
Её зимой заменит пустота!

4

Гениальность часто не в чести,
Актуальность не Доска почёта,
Но неповторимые пути
И открытья не смахнуть со счёта.
Человек ржавеет, как металл,
Если нету у него исканий,
Вижу одинаковый финал
У изобретений и изданий!

5

Железный век железно умер,
А наше время удалей его:
Разумный человек подумал
О всей таблице Менделеева.
В век повсеместного прогресса
Уран сильнее, чем железо!

6

Не очень трудно безрассудно
Идти проторенной тропой,
Любым героем стать не трудно,
И трудно быть самим собой!
Нет если собственной удачи,
Успехи — те же неудачи!

7

Растут всего быстрее сорняки,
Они толпятся возле каждой дачи.
Свирепствуют рассудку вопреки
Иллюзии, как телепередачи.
Нам часто досаждают дураки,
О пустяках бессмысленно судача.
Чтоб не потратить жизнь на пустяки,
Которые вредны, как неудачи,
Есть мудрость. От неё не убеги!

8

Ошибки мне сопутствуют всегда,
Свершаю их и в шахматах, и в жизни,

И не могу сказать, что без вреда,
Пожалуй, многие из них излишни:
Обидно — не исчезнут без следа,
В час горести не вызовут улыбки.
Утешусь тем, что признаю ошибки!

Гораздо реже встречаются месостихи, то есть такие стихотворения, в которых слова по вертикали прочитываются в середине строки, и телестихи, в которых вертикальный текст образуют последние буквы строк, и ещё реже — зигзаги, лабиринты. Здесь чистая виртуозность выходит на первый план в ещё большей степени, чем в акrostихе.

Вот пример телестиха современного поэта Ивана Чудасова.

КОЛОКОЛ

Произнося чудесный чистый звук,
Вишу на колокольне. Высок**О**!
Неоднократно сам звенеть хотел**Л**,
Разлиться песней сердца далек**О**,
Но мой язык во власти чьих-то рук**К**.
Вздохнул бы я свободно и легко**О**,
Когда бы сам, не по заказу, пел**Л**.

ПОДПИСЬ

И если тексты все прочли**И**
Вы, то поймёте: я ворчлив**В**,
А жизнь моя не так легка**А**.
Но мил моей судьбы капка**Н**.

В современной русской поэзии акrostихи встречаются редко, каких-либо значимых произведений в этом жанре создано не было. Акrostих всегда воспринимался как своего рода литературное трюкачество и игра. Своей визуальностью, возможностью продемонстрировать владение изощрёнными приёмами стихосложения и создать стихотворение с тонким подтекстом акrostих всегда будет притягивать к себе поэтов, не равнодушных к экспериментам.

*Окончание читайте в следующем номере
журнала.*

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Николай Ярославцев

У НОВОГОДНЕЙ ЁЛКИ

Говорил Серёжка Чащин:
— Дед Мороз — ненастоящий!
Знаешь, это наш сосед
В шубу красную одет.

Но у ёлки у блестящей
Отвечал ему Федот:
— Ну и пусть ненастоящий,
Он подарки раздаёт!

НА НОСУ

Стало холодно, хмуро в лесу.
Дед сказал мне:
— Зима на носу...

Тут я зеркало живо принёс,
Посмотрел на себя — нос как нос.
Пятен рыжих на нём — просто тьма!
То веснушки...
А где же зима?

В БЕРЛОГЕ

Мороз в тайге — не шутка!
В тайге мороз трещит.

Медведица с мишуткой
В своей берлоге спит.

Мишутке сладко спится,
И лапу он сосёт.
Ему, наверно, снится:
На лапе — вкусный мёд.

ЗИМНИМ УТРОМ

За оградой снег по пояс —
Не пройти и не пролезть.
Только я не беспокоюсь,
Потому что лыжи есть!

По нетронутому насту
Полечу как ветер я:
— Здравствуй, солнце!
Утро, здравствуй!
Догоняй меня, лыжня!

ПО ВОСТОЧНОМУ КАЛЕНДАРЮ

Два родились дружка
Не поздно и не рано.
Олег — в год петуха,
А Ваня — в год барана.

Задиристости дух
В Олеге, — ох! — с рожденья.
Он истинный петух!
И в этом нет сомненья.

А друг его Иван —
Ох, наказание прямо —
Ну вылитый баран,
Упёртый и упрямый!

Марина Дружинина

ЗАГАДКИ

Я модница такая, что всем на удивленье!
Люблю я бусы, блёстки — любые украшения!
Но на мою, поверьте, великую беду
Наряд мне надевают всего лишь раз в году!
(Ёлка)

Я от солнца плачу —
Не могу иначе!
(Сосулька)

Белые пчёлки повсюду летают,
Мне на ладошку садятся и тают.
(Снежинки)

Вьюги да метели
Песенку запели,
Затрещал мороз:
«Берегите нос!»
(Зима)

Художник лишь в зимнюю пору
На окнах рисует узоры.

(Мороз)

Из него зимой холодной
Можно сделать что угодно:
Самолёт, слона, кита,
Крепость, робота, кота...
Только дома из него
Ты не слепишь ничего!

(Снег)

Снежный ком, ещё комок...
Появился паренёк!
Смотрит весело на нас,
Вместо шляпы — старый таз.

(Снеговик)

Пробьют они двенадцать раз —
Поздравят с Новым годом вас!
(Кремлёвские куранты)

Дедушка белобородый с внучкою вдвоём
Лишь на праздник новогодний к нам приходят в дом.
Прямо в валенках и шубах к ёлочке идут,

Поздравляют всех, подарки детям раздают.
А в другое время года никому на свете
Этих дедушку и внучку не удастся встретить!
(Дед Мороз и Снегурочка)

Когда вернёшься ты к себе вечернею порой,
Весь двор узнает от меня, что ты пришёл домой.
Когда потом ты ляжешь спать, чтоб видеть сны, мой
друг,
Опять об этом от меня узнают все вокруг.
(Свет в окне)

Кто придёт во мне на Ёлку,
Станет зайцем или волком,
Эльфом, белочкой, Жар-птицей...
В кого хочет — превратится!
(Карнавальный костюм)

Одну минутку я поспал,
А год другой уже настал!
Скажите месяц и число,
Когда всё так произошло.
(31 декабря)

На свете есть чудесный дом,
Живут двенадцать братьев в нём.

Но встретить братьев в том дому
Ты можешь лишь по одному.
(Год, 12 месяцев)

Сколько дней у нас в году —
Столько в нём листков найду.
Как пройдет один денёчек,
Улетит один листочек.

(Отрывной календарь)

На месте не стоит —
Идёт, летит, бежит...
И точно в свой черёд
Приводит Новый год!

(Время)

Наталия Волкова

ЛУЧШИЙ НОВЫЙ ГОД

Я, наверное, странная, но Новый год я не люблю. Вообще не люблю праздники. В школе можно хоть с кем-то пообщаться, а дома родители всё время или готовят, или убирают, или думают, что купить надо. И не радуются совсем. То есть они радуются, когда часы 12 раз бьют, бокалами чокаются. А потом опять не радуются. И так каждый Новый год.

Но в этот Новый год всё вышло по-другому. Всё началось с приезда наших родственников. Вообще-то до этого Нового года я и не подозревала о том, что в Самаре живут мои тётя и дядя. Что есть у меня какой-то троюродный брат. И что зовут его Данилой. И что ему тоже 9 лет, как и мне. Я очень обрадовалась, что они приедут. А вот мои родители почему-то расстроились. Вернее, сначала расстроился папа.

— Зачем ты их пригласила? — Папа неласково посмотрел на маму, когда она положила телефонную трубку. — Не видели мы их 10 лет и ещё бы столько же не видели!

— Ну, Олег — это же мой двоюродный брат, он попросил пожить у нас, у него больше никого в Москве нет, а им надо тут по врачам походить. Ну, как ты не понимаешь?!

— Ты сама ничего не понимаешь, — кипятился папа, — чтобы пожить, гостиницы есть. Пусть там и останавливаются. А у нас тут не постоянный двор!

Я дослушивать не стала: не люблю слушать, как они ссорятся. У меня сразу голова начинает кружиться, горло болит, и вообще, кажется, что температура поднялась. Не знаю, о чём они там договорились, но перед Новым годом к нам всё-таки приехали гости!

Накануне мама провела со мной разъяснительную беседу. Она просила меня игрушки Даниле не дарить, а если он будет хулиганить или какие-то плохие слова говорить, то сразу ей докладывать.

— А почему это он должен плохие слова говорить? — удивилась я.

— Олег говорил мне, что Данила хулиганистый. Так что я просто предупреждаю, Даш, не хочу, чтобы он оказывал на тебя плохое влияние.

Можно подумать, я совсем без ума и на меня можно оказать влияние. Мама говорит, что дети — как пластилин, что из них можно до определённого возраста вылепить что угодно. И от того, с кем они общаются, зависит, какими они станут. Поэтому она очень следит, чтобы я общалась только со спокойными интеллигентными детьми. Но я-то знаю, что я — не пластилин, я сама на кого хочешь повлияю!

Данила влетел в дом, как ураган. Смахнул телефонную трубку с тумбочки, папины тапочки полетели под диван. И ринулся в мою комнату. Я едва успела убежать к себе вслед за ним и поймать на лету коробку с моими сокровищами, не то пришлось бы собирать мои мелочи по всей комнате.

— Ты что? С ума сошёл? — Я едва могла говорить от негодования.

— А что такого? — удивился Данила. Он уже стоял на табуретке и лез на верхнюю полку над столом.

— Ты чуть не уронил коробку! И куда ты лезешь? Без разрешения!

— А, извини, — небрежно бросил Данила, — можно посмотреть, что у тебя там блестит наверху? Похоже на хвост диплодока!

— Нет! — Я очень на него разозлилась, — Я тебе не разрешаю ничего здесь трогать! И вообще мне мама запретила давать тебе игрушки, понятно?

— Почему? — На лице Данилы было искреннее изумление.

— Не знаю, почему! Запретила, и всё. — Я уже жалела, что проболталась и выставила маму с плохой стороны.

Данила выглядел немного расстроенным и даже на минуту слез со стула и уселся на диван.

— Ладно. Чем займёмся? — Глаза Данилы бегали по моим вещам, он явно выискивал что-нибудь поинтереснее.

— Фуууф, не знаю, как ты, а я собираюсь гулять. С горки кататься.

— Отлично! Я с тобой!

Вообще-то он ничего, мой троюродный брат. Он столько всего придумывает! Оказывается, с горки можно кататься пятидесятью двумя разными способами! А ещё можно скатиться с горки и оказаться в ущелье Великого каньона, и чтобы подняться наверх, надо цепляться за верёвку, которую держит твой компаньон.

Когда мы шли домой, как назло, в лифте нос к носу встретились с нашим соседом, дедой Вовой. Я понимаю, что это глупо называть его так, как будто я маленькая, но я привыкла, что он деда Вова. Что с этим поделаешь? Я никогда не видела, чтобы он улыбался. Он всегда выглядит, как будто только что проглотил ложку бронхолитина. Это такая гадость, которую дают пить при кашле. А ещё он вечно бурчит себе под нос:

«Опять эта Клара с пятого этажа до трёх ночи ходила, как цапля, на шпильках. Это она нарочно ходит!» Или: «Сколько можно катать по полу гири? Опять наверху до утра катали... Это они меня выжить хотят!»

Но мама говорит, что надо до него снисходить. Ну, то есть снисходительно к нему относиться. Что у него жизнь была тяжёлая, что он одинокий. Ещё бы! Кто захочет жить с таким?! Поэтому я всегда, когда его встречаю, говорю: «Здрассте, деда Вова». И быстрее дальше бегу,

чтобы про гири не выслушивать. А тут одним «здрассте» не отделаешься, надо на 12-й этаж в одном лифте ехать!

Деда Вова, как обычно, не поздоровался, не кивнул, а стал бубнить:

— Вот, мало тут своих хулиганов, ещё гости всякие понаехали, теперь шуметь будут, танцы-шманцы устроят, топать будут, как бешеные кони. Пацанёнок верещать будет. В стену мне будет ломиться. Все смерти моей хотят.

Деда Вова с ненавистью посмотрел на нас. Хорошо, что мы как раз на 12-й этаж приехали, а то мне уже стало казаться, что лифт от его слов становится всё тяжелее и тяжелее и может рухнуть в шахту вместе со всеми нами.

За обедом родители без конца дёргали Данилу: «Не трожь перец!», «Положи немедленно нож!», «Оставь клеёнку в покое!», «Сейчас суп прольёшь!». Самым запоминающимся моментом (мне даже жалко было, что на камеру не записали) было, когда Данька уже в конце обеда, когда посуду мыли, построил из тарелок, чашек и сахарницы пирамиду и только успел меня в бок пихнуть, чтобы я на неё полюбовалась, как эта пирамида вдруг начала падать. Я, правда, успела сахарницу спасти, а вот шесть чашек и три блюда — вдребезги. Данин папа, дядя Олег, очень на него ругался и даже хотел его так наказать, чтобы он Новый год не встречал. Но потом моя мама за него заступилась и сказала, что он же не нарочно и что так наказывать слишком жестоко. В общем, они решили, что Даня с нами ёлку наряжать не будет — это его наказание такое.

Честно говоря, лучше бы они меня так наказали: не люблю я ёлку наряжать. Когда маленькая была, любила, а сейчас надоело: каждую игрушку надо из бумажки

достать, скрепку к ней прицепить и на ёлку повесить. А Даниле, похоже, это занятие нравилось. Поэтому, пока никто не видел, Данила в мою комнату пробрался и за меня пол-ёлки нарядил. Когда он раскокал три маленькие игрушки, никто не услышал, а я их быстренько веником замела под ёлку. Но вот когда макушка в виде звезды вдруг выпрыгнула из рук Данилы, описала в воздухе дугу и шмякнулась на пол, тут раздался такой звон, что прибежали все наши родители и стали опять ругаться, только теперь уже и мне заодно досталось. А мама отозвала меня в другую комнату и стала учить:

— Я же тебе говорила: «С кем поведёшься, от того и наберёшься», я же предупреждала, чтобы ты мне жаловалась на Данилу, если что! Попала-таки под его влияние!

— Никуда я не попала! — разозлилась я. — И вообще он — классный! С ним хоть весело!

Мама прямо ахнула:

— Ну ничего, сейчас Новый год, гости... Но когда они уедут, я с тобой разберусь! Как ты смеешь так с матерью разговаривать!?

А тут как раз уже пора было за стол садиться. Как они говорят, чтобы старый год проводить. Мы все сели, а папа как раз наоборот — встал, чтобы тост произнести. Тут только я заметила, что Данила тихонечко из-за стола выскользнул и в моей комнате скрылся. Не, всё-таки он какой-то ненормальный, этот мой братец! Правда, через несколько секунд он уже сидел за столом как ни в чём не бывало. Только папа рот открыл, чтобы про старый год что-то хорошее вспомнить, как — чпок! И свет во всей квартире погас! Я пнула Данилу под столом ногой и зашептала ему на ухо:

— Это ты, что ли, опять? Ты чего в мою комнату ходил?

А он громко так отвечает:

— Я хотел сюрприз вам устроить, светомузыку сделать. Я там CD-проигрыватель немножко разобрал и к гирлянде подсоединил...

— Спасибо, — только и сказал папа вместо своего тоста.

А Данькина мама застонала. Я заметила, она часто стонет, это у неё привычка такая. Моя же мама начала действовать, она всегда говорит, что в критических ситуациях главное руки не опускать, а действовать!

— Где-то у меня была свечка, — сказала она и пошла на кухню. Правда, по дороге, кажется, споткнулась обо что-то, потому что там, на кухне, всё загрохотало, и мама застонала почти так же, как Данина.

Я бросилась ей на помощь, но с ней, к счастью, было всё в порядке, чего нельзя сказать о салате «Оливье», который, как выяснилось, и грохотал, падая на пол.

И вдруг в нашу квартиру постучали. Вернее, забарабанили. И барабанили, пока папа на ощупь не открыл дверь. Вы смотрели мультфильм «Рождественская история»? Это такая страшная история про призраки, которые приходили в Рождество пугать одного гадкого старикашку. Его еще звали так же, как дядюшку из «Утиных историй» — Скрудж! В общем, на пороге нашей квартиры стоял тот самый Скрудж со свечой в руке. По крайней мере, мне так показалось. Папе, наверное, тоже, потому что он побледнел и отшатнулся от двери. А я заозиралась по сторонам: не видно ли поблизости какого-нибудь залетевшего на нашу темень

призрака. Но тут Скрудж заговорил, и сразу стало понятно, кто это на самом деле:

— Это ваши баловники устроили? Я телевизор смотрел, и вдруг всё выключилось! Даже Новый год не дают встретить нормально. Понаехали тут всякие... Со свету меня сживают! Вон, уже сердце разболелось, а лекарство в шкафу, а там темнотища!

— Да вы не волнуйтесь, Владимир Петрович, проходите к нам! — заволновалась мама. — Сейчас ребята всё починят!

И наши папы покорно пошли к электрическому щитку, разбираться, в чём там дело.

Ох, как я разозлилась на Данилу! Весь Новый год насмарку! Мало того, что до 12 часов могут не успеть свет починить, так ещё и встречать Новый год в компании с дедой Вовой! И чего он только свалился на мою голову, этот Данила?! Ни минуты спокойно не может посидеть! Вот и сейчас... где он?

— А где Даня, кстати? — спросила я.

Мама Данилы издала привычный стон, и я заподозрила неладное. Вот уж кому надо запретить действовать, так это ему! Я устроилась на диване и стала ждать, когда папы в кромешной тьме починят электричество. Мама всё ещё искала свечку, которая в позапрошлом году точно была вот в этом ящике, а Данина мама со стонами искала по квартире Даню. Но разве можно в тёмной комнате найти чёрную кошку, тем более если её там нет? Где-то возле меня сидел деда Вова, который, наверное, заснул, потому что, наконец-то перестал браниться. Весёленький Новый год, нечего сказать!

И тут прямо над моим ухом кто-то как заорёт:

— Даша! Ты где?

— Да здесь я! Зачем так кричать?

— Там... там... там... — Данила (а это, конечно, был он) вдруг начал заикаться. Что-то раньше я за ним этого не замечала.

— Там... в квартире деда Вовы кто-то есть! Рука торчит из шкафа!

— Что? — заревел дед Вова в моё второе ухо. Э, неужели нельзя где-нибудь в другом месте кричать, а не мне в уши?

— Что? — закричали одновременно все наши родители.

— Я пошёл в квартиру деда Вовы... Хотел найти лекарство... От сердца... В шкафу! У меня фонарик маленький есть. Ну, я им посветил, а там рука!

Договорить Даньке не дали. Все бросились в квартиру деда Вовы посмотреть, что там за рука. Я была почти на 100 процентов уверена, что Данила врёт. Насочинял ужасиков про летающие руки, чёрные комнаты! А что он ещё может?! Наверное, так думали все, потому что когда наши папы, мамы и дед Вова вбежали к нему в квартиру с Даниным фонариком, все издали такой душераздирающий крик, которого словами я вам описать даже не смогу. Я, конечно, тоже кричала не тише остальных, потому что вот что я увидела: справа от входной двери в коридорчике стоял шкаф. Из шкафа торчала чья-то рука по локоть, а дверь шкафа подпирал письменный стол, три стула и тумбочка.

— Это я придвинул, чтобы он из шкафа не вылез, — пояснил Данила.

— Вы кто такой? — спросил дядя Олег у шкафа.

Сначала оттуда слышалось что-то нечленораздельное, а потом мужской голос взвыл:

— Только не надо полиции!

— Понятно, — сказал дядя Олег, — звоните в полицию.

Всё, что происходило дальше, было очень весело! Сначала мы ждали полицию, а Даня рассказывал нам в сотый раз про то, как он пошёл за лекарством, потом приехали два полицейских с настоящими пистолетами и наручниками, разбаррикадировали шкаф и вытащили оттуда перепуганного мужчину. Он даже не сопротивлялся. Потом его долго расспрашивали, что он тут делает, потом расспрашивали Даню. Главный полицейский пожал ему руку и объявил благодарность!

Оказывается, этот мужчина из шкафа — вор-рецидивист, которого давно уже ищут по всей округе за то, что он вламывается в чужие квартиры и крадёт вещи! Очень опасный преступник! Причём он всегда поступает одинаково: вырубает электричество во всём доме, а потом в темноте влезает в квартиру. Если бы Даня не пошёл к деду Вове за лекарством, если бы не заметил, что кто-то прячется в шкафу, если бы не сообразил задвинуть шкаф письменным столом... ох, я даже не представляю, что могло бы быть!

— Так это не я? — обрадовался Данила. — Значит, это не я свет вырубил!

— Нет, — обняла его мама, — ты грабителя поймал! С риском для жизни! Ты — герой!

На этих словах в подъезде включился свет!

— Да будет свет! — сказал дед Вова. И тут только я поняла, что уже давно не слышу его бормотания. А когда взглянула ему в лицо, то просто не поверила своим глазам: он сиял ярче, чем только что загоревшаяся лампочка! Он улыбался! Представляете?!

Деда Вова подошёл к Даниле и тоже, как и полицейский, пожал ему руку.

— Спасибо, герой! — произнёс он торжественно. — Ты спас моё имущество!

Потом подумал, подумал и добавил:

— А может, и мою жизнь!

И тут мой папа посмотрел на часы и вскрикнул:

— Бегом к столу! Сейчас Новый год наступит!

И мы побежали к столу. И деда Вова с нами. Мы чокались бокалами, улыбались, смеялись. И папа сказал тост, что он очень рад, что у нас есть такие замечательные родственники. А мама сказала, что Данила — самый храбрый мальчик, которого она только видела. И что она счастлива, что у её дочки такой брат!

А я ничего не сказала, я просто подумала, что это самый счастливый Новый год в моей жизни!

КОЛДОВСТВО

Даже при самом минимуме вооружения «Кореец» полностью контролировал акваторию озера Мурино. Потому что никакие другие суда, неприятельские или дружеские, здесь никогда не появлялись.

Мурино — это не море Лаптевых, не Амазонка и не озеро Онтарио. Потому что нет в море Лаптевых таких коварных плавающих зелёных островков, сплетённых покрепче и запутанней, чем яркая циновка у Витьки в сенцах. Наскочишь на такой островочек — и хоть плачь! Даже на самом мощном крейсере — винты запутаются, что делать будешь?! Витька-то с Петькой из таких передрыг выкарабкивались: перебирались оба на корму, нос поднимался высоко, и вот тут-то надо легонько отталкиваться прямо от «циновки» веслом...

В общем, опасностями «лужу», как иногда называют озеро в селе Горбуново, природа не обидела. Да и с водопадом здесь всё в порядке...

Водопад уютно журчал невдалеке; если на минутку замереть без движения и прислушаться, то его можно услышать даже с середины озера. Правда, довольно долго Витька с Петькой вели жаркие научные споры: водопад это или нет?

Петька считал, что водопад. Витька, сторонник фактов и добросовестного изучения природы, не без основания полагал, что водопад — это когда вода падает, а

если она просто с шумом катится вниз по бугру, пусть даже бурля и переворачивая камни, то это вовсе не водопад, а... ну, водокат, что ли...

Но победил Петька! Вернее, его научная гипотеза победила. И было найдено блестящее фактическое доказательство!

Дотошный Витька долго ползал на карачках, прижимая голову к земле, но разглядел ведь, разглядел обнаруженный Петькой научный факт! Натыкаясь на огромный каменный выступ, поток воды как на трамплине взмывал вверх — пусть всего на несколько сантиметров, но вверх! — и затем безжалостно придавливался земным притяжением к каменистому ложу. Это был водопад! Витька даже сумел просунуть руку и ощупать камни под летящими струями — они были совершенно сухими!

Витька с Петькой проводили и другие важные научные эксперименты, и, кто знает, возможно, наука будущего этого не забудет. А что, разве не интересно знать, что вся вода в Мурино — проточная?! Конечно, все и так знают: река Леба в Мурино впадает, Леба и «выпадает»... вытекает то есть! А может, она только посередине и течёт? Как Гольфстрим, например! Витька с Петькой не стали гадать, а поставили эксперимент: разбросали по всему озеру — имея «Корейца», сделать это было нетрудно, — крупные меченые гусиные перья. И все перья, правда, с разной скоростью — с середины быстрее, от берегов медленнее, — оказались в водопаде! После такого открытия капитан Витька с особой осторожностью проводил юркий и послушный «Кореец» вблизи водопада: послушный-то он послушный, да мало ли что? Особенно после того, как

«Кореец» лишился одного весла, лишился обидно и по-глупому: вёсла сушились на солнышке, а дядя Володя подъехал на тракторе, не заметил и... И всё обещает сделать новое.

Честно говоря, про судно «Кореец» лучше бы писать «она», а не «он». Потому что «Кореец» — канонерская лодка. А названа в честь той канонерской лодки, которая давным-давно вела неравный бой с японцами на пару с другим славным кораблём, который звали «Гордый Варяг», как поётся в песне.

А поскольку никаких военных действий на озере Мурино никогда не происходило, то грозная канонерская лодка с одновёсельным двигателем до поры до времени служила целям вполне мирным. Готовые в любой момент вступить в неравный бой с противником, Витька и Петька рыбачили.

Июнь стоял холодный и хмурый. Тучи неуклюже толкались в низком тесном небе, и с каждым днём их, казалось, становится всё больше и больше.

«Кореец», даже если несколько дней подряд лежал на берегу кверху плоским брюхом, не успевал просохнуть. Канонерка отяжелела, глубже обычного оседала в воде и стала не такой поворотливой.

Но гордый корабль с закутанным во всё тёплое экипажем продолжал нести службу. Потому что любое море, если не бороздят его острые носы кораблей, это не море, а просто большая лужа...

Петька опаздывал. Такого с ним раньше никогда не случалось. Витька в одиночку перевернул «Корейца», столкнул его на воду и пришвартовал к шатким мосткам. Уложил аккуратно удочки, банки с насадкой, черпак... А Петьки всё не было.

Бежать за Петькой — долго; живёт он на дальнем конце Горбунова, так полдня пробегать можно. Жил бы он, как Витька, на берегу, пусть даже противоположном, — тогда просто: вышел в плавание один, а по пути подобрал друга.

Переключившись с места на место банки с наживкой и черпаки — не самое интересное занятие, когда у пирса стоит готовый к отплытию корабль. Спокойный и невозмутимый, Витька постепенно начал терять терпение. И в конце концов потерял его окончательно.

И тут появился Петька! Он не мчался вприпрыжку, всем своим видом показывая, что опоздал совершенно случайно, проспал там или боролся с лесным пожаром и теперь старается как можно скорее загладить свою вину, нет! Петька плёлся, едва переставляя ноги; удочки уныло тащились за ним следом, одним концом болтаясь под мышкой, а другим царапая глинистую горбуновскую землю. Петька что-то внимательно выматривал под ногами — видимо, что-то очень важное, потому что метров с пяти не заметил ни Витьку, ни «Корейца».

Но и Витьке вдруг стало не до Петьки: рядом с другом, одетая в тёплую куртку и коричневые, заправленные в сапожки брюки, гордо вышагивала девчонка!

— Привет! — сказала она Витьке. — Так у вас плоскодонка, да?

— Канонерская лодка! — куда-то в сторону буркнул Петька. И добавил чуть слышно: — Дура!

— Да, — неожиданно не поддержал друга Витька, — плоскодонка... Очень надёжная плоскодонка.

— Объясни ей, что мы женщин на «Корейце» не возим... Пусть домой идёт, к бабке!..

— Так где же мне устраиваться, на носу или на корме? — засмеялась девчонка.

— Да лучше на нос... — отозвался Витька. — С кормы я грести буду...

— Навязалась, а! — Петька странно посмотрел на своего капитана, плохо понимая, что происходит. По всем морским законам командир должен был выдворить эту «швабру» с боевого корабля, в крайнем случае приказать зашить в мешок и выбросить где-нибудь подальше от берега. Она к нам на целый месяц примотала!..

— К вам? — чему-то обрадовался Витька.

— А к кому же ещё! Родня! — фыркнул Петька и, словно оправдываясь, добавил: — Дальняя...

— Я буду вперёдсмотрящим! — с ходу объявила дальняя родня. — Ты, Петька, назадсмотрящим! А зовут меня — Марина! Морская значит!

— Выкинуть тебя надо с корабля... — уже довольно неуверенно гнул свою линию Петька. — Я ж объяснял, а она!.. И бабка сказала — возмёшь с собой, аккуратненько покатаете. Я и так и сяк, и что весло у нас одно, и что лодка набухла...

— Вперёд! — весело крикнула девчонка. И Витька послушно отвязал «Корейца» и совсем не по-командирски сказал:

— Садись, Петь! Отчаливаем!

Витька несколькими точными гребками прогнал лодку мимо незаметного, но коварного островка-циновки, а Марина перегнулась через борт, ухватила рукой гибкий нервущийся стебель:

— А возле таких травок должна водиться рыба!

— Рыбу ей теперь подавай! — Петька сидел на своём обычном месте, на носу, а Марина — на средней банке (так по-морскому называются обыкновенные скамейки), спиной к Петьке. — Тебя что, кататься взяли или рыбу ловить? Кататься, вот и сиди!

— А удочки тогда зачем? — хитро спросила Марина.

— Погода сегодня неклевательная... — задумчиво заметил Витька. — Пасмурно. Ничего, наверное, брать не будет. А удочки мы с Петькой всегда берём. Судно должно выходить в плавание с полной оснасткой.

— Да что вы, самая клевательная погода! — заспоорила Марина. — А даже если и неклевательная, я слово одно знаю... нет, даже не слово, а такое колдовское заклинание: скажешь его — и вся рыба наша!

— Слушай, а такого заклинания нет, что скажешь его — и ты не у нас в лодке, а у бабушки на кухне сидишь? — ехидно передразнил Петька.

— Попробуем, — решил Витька. — Только якорей... ну, грузов то есть, у нас нет. Будем рыбу ловить в дрейфе, понимаешь?

— Конечно! — озадаченно заморгала Марина.

— Чего тут не понять...

Витька положил весло на борт, уселся поудобнее и вытащил из пучка две самые удачливые свои удочки. Марина после недолгого раздумья выбрала себе коротенькую, размотала леску и, виновато улыбнувшись Витьке, так и замерла с удилицем в одной руке и крючком в другой.

Витька не понял, в чём дело, и двумя точными бросками послал коварную наживку почти под островок.

— Чего сидишь? — прикрикнул на родственницу Петька. — Сама напросилась рыбачить! «Рыба будет наша, наша будет!..» Будет она тут наша, как же!

— Я... я сейчас... — еле слышно пролепетала Марина.

И Витька изумился: та ли это девчонка, что гордо вышла к причалу?

— Да она червяков боится! — фыркнул Петька. — Эх, навязалась на нашу голову!

— Голов у нас, между прочим, две! — перебил его капитан сурово. — Ну-ка, давай сюда крючок!

Он быстро всадил жало в вёрткого тощего червяка и швырнул грузик недалеко от своих поплавков. Петька настроился таскать рыбу с другого борта.

Ветер поднял на озере лёгкую рябь, и стало заметно, что Маринин и Витькин поплавки торчат на одном месте как привязанные, зато Петькин тотчас же пустился в плавание.

— Клюёт! — заволновалась Марина.

— Гольфстрим! Экспериментально проверено! — спокойно объяснил Петька. И перебросил снасти на прежнее место. — На гольфстримах тоже, бывает, клюёт!

Витька его хорошо понял: ловить сегодня бессмысленно, с тем же успехом можно забрасывать удочки в колодец бабки Феши.

Петька всё не унимался:

— Ну, теперь давай своё колдовство! Удочки забросили... Сколько ждать-то?

— Да ладно тебе, Петь, — попробовал урезонить друга Витька. — Сколько надо, столько и подождём.

Марина поджала губы, склонилась к своему удилицу и, как показалось Витьке, что-то прошептала.

Момент — и поплавок её удочки резко ушёл под воду!
— Тащи! Тащи! — дико заорал Петька. — Упустишь же! Ну!

Марина рванула удочку на себя, слишком сильно рванула — серебристая широкая рыбина высоко выскочила из воды, сорвалась с крючка, описала красивую дугу и... плюхнулась на дно «Корейца». Петька быстро схватил рыбёшку и бросил в ведёрко с водой.

— Ты чего орал? — строго спросил капитан.

— А чего она? Чуть не упустила!

— Так я что, рыбку поймала? — почти испуганно спросила Марина.

— А ты говорил... — начал Витька, но Петька его перебил:

— Да ничего я не говорил! А потом, ну что, бывает!.. Случайность... — и он перекинул свои снасти с Гольфстрима поближе к «травке».

Витька забросил Маринину удочку на прежнее место.

— А ну, давай ещё!

И не успела Марина схватить лёгкий бамбуковый прут, как поплавок снова ушёл под воду. Рыбка на этот раз была покрупнее, но Марина вытащила её так ловко, словно всю жизнь только и делала, что удила рыбу с дрейфующего «Корейца».

Петька что-то буркнул про себя и перетащил своих аппетитно-красных, извивающихся на крючках червяков на везучее Марино место.

— Ты бы чуть в сторонку! А то куда я забрасывать буду? — попросил Витька.

— Так это ты забрасываешь?! — будто бы удивился Петька. — То-то я смотрю! Бросаешь, бросаешь, а тянут другие.

Марина таскала рыбёшек одну за другой, маленьких и побольше, а двух подсекла таких, что с ними не стыдно было бы вернуться и с серьёзной рыбалки.

Петька раз пятнадцать менял на удилице «дно», плевал на своих красавцев червяков так, что во рту стало сухо; один раз ухитрился зацепить крючком Маринину леску... и в тот раз Марина вытащила самого большого подлещика!

Такого озеро Мурино не видело, пожалуй, со дня возникновения: два бывалых рыбака сидели по обе стороны от девчонки, которая первый раз в жизни держала в руках удочку, и наблюдали, как стремительно наполняется рыбой их старое походное ведёрко.

— Всё! — не выдержал Петька. — Вить, ну ты же видишь, что здесь совершенно не клюёт! А денёк-то в самом деле клевательный! Надо перебираться на другое местечко!

— Почему не клюёт? — удивился Витька. — У Марины очень даже клюёт.

— Ага! — не унимался Петька. — Мы тут по-честному ловим, без колдовств всяких, а она!..

— Возьми мою удочку, если хочешь, — предложила Марина.

— Ага, а ты тут же на мою щуку вытащишь, да?! — и Петька потянулся к веслу, которое мирно лежало на левом борту «Корейца». — Пошли лучше на другое место, где по-честному!

Чуть-чуть не дотянувшись до весла, он привстал в лодке, но тут встал и Витька. «Кореец» вдруг сильно качнулся, и единственное весло, простой и надёжный движитель канонерки, очутилось в воде.

— Ой, ребята! — закричала Марина. — Если хотите, конечно, поедem на другое место, рыбы везде много...

— Весло!.. — спохватился Витька.

— Гольфстрим... — упавшим голосом произнёс Петька. Подхваченное течением весло было уже далеко.

— Хе-хе! — Петька неожиданно успокоился.

— Влипли!

— Ребята, что же теперь делать будем? — Марина спросила без особой тревоги: то ли не поняла до конца ситуации, то ли уж очень верила в друзей.

— Загорать, если солнышко выглянет! — невесело пошутил Петька.

— Вплавь — холодно... — вслух подумал Витька.

— А если... грести руками? — оживилась Марина.

— Как раз ко второй четверти и пригребём! — снова пошутил Петька: у него всегда появлялся юмор в трудных ситуациях.

— Какой второй четверти?

— Учебной, какой же ещё?

— Можно догрести руками до Гольфстрима, — начал развивать Маринину мысль Витька, — а там потащит течением. Ну-ка, дружно!..

Вода была холодной, брызги попадали в рукава, и тяжёлую лодку не так-то просто было сдвинуть с места даже втроём.

— А ну, разом! — снова скомандовал шкипер.

«Кореец» развернулся, и вот уже в нос его снизу ударила подводная струя.

— Ур-ра! — закричал Петька. — Едем! Мы едем, едем, едем!

«Корейца» медленно разворачивало, он с черепашьей скоростью, но всё-таки пошёл вслед за потерянным веслом.

— Ура! — крикнула Марина. — Теперь бы только знать, где нас причалит...

Петька вдруг замолчал и переглянулся с Витькой: они-то точно знали, куда впадают все подводные течения озера Мурино.

— Марина, ты умеешь плавать? — начал Витька.

— Ты только не пугайся... Нас тащит... к водопаду...

— К водопаду?! — ойкнула Марина.

Берег был уже совсем близко, и если бы ребята прислушались, они бы услышали грозное журчание водопада.

— Что же будет? — испуганно спросила Марина и, как показалось Петьке, прошептала что-то.

Витька встал и скинул с себя куртку.

— Ты что?! — не понял Петька.

— Ничего... — На дно лодки полетел свитер.

— Вить, не надо, — тихо сказал Петька и тоже начал раздеваться.

Оставшись в одних плавках с олимпийской эмблемой (отец привёз из города), Витька зябко поёжился и прыгнул за борт. Спустя несколько секунд рядом оказался Петька.

— Ребята, куда же вы? — позвала Марина чуть не плача.

Витьке некогда было отвечать. Он крепко вцепился в корму корабля и что есть сил заработал ногами. Петька пристроился сзади, и «Кореец», постепенно набирая ход, начал сдвигаться вправо от коварного подводного течения.

Двигатель — сердце любого корабля. Если вышел из строя двигатель — дело худо. А вот движитель... Если бы команда настоящего крейсера попрыгала в воду и дружно заработала ногами, сдвинулся бы тот корабль с места или нет? Не знаю. Возможно, сдвинулся бы...

— Вода здорово холодная, а, Петь? — участливо спросила Марина уже на берегу.

— Не-е-ет! — громко стуча зубами, ответил Петька. — Мы ж ногами колотили, она и согрелась!

— Слушай, Марин, ты вот что... — Витька вертелся вокруг начинавшего разгораться костерка. — Ты иди сейчас к бабке...

— Зачем? — обиделась было Марина: в самом деле, они тут, а она — к бабке!

— Объясни, что тебя покатали, у нас тут всё в порядке, мы лодку сушим. А то она волноваться будет... И в другой раз не отпустит тебя с нами.

— В другой раз! — вскрикнула от радости Марина, но тут же переспросила: — А возьмёте?

Маринина куртка ещё мелькала где-то возле крайних горбуновских домов.

— Здорово она тебя!.. — сочувственно сказал Петька и почему-то вздохнул.

— Чего? — не понял капитан «Корейца».

— Ну, заколдовала!.. Сиганул в холодную воду, и хоть бы что!

— А ты?

— А я что, я за тобой! — Петька засмеялся. — Слушай, а чего мы испугались? Ну вынесло бы нас к водопаду, и что? Лодка бы всё равно застряла в камнях, мы бы и вышли!

— Верно... — согласился Витька.

— Это она! Я думал — дурит: «слова знаю, колдунья»... А смотри ты! И с рыбой!

— Весло наше, наверное, на камнях где-нибудь лежит, как думаешь?

— Лежит, конечно, застряло... Если не разломало его. Да нет, лежит! Найдём, капитан!

— Завтра и пойдём снова...

— Вместе с ней?..

— Я же обещал...

Петька задумался.

— Всё-таки морской закон... Надо было с самого начала её на корабль не брать...

Витька отвёл глаза от неяркого огня костра, помолчал, а потом сказал тихо:

— Слушай... Про женщин — это правильно... Но ведь морской закон ничего не говорит о колдуньях, правда, Петь?

РИСУНКИ НА СТЕКЛЕ

Жизнь не сложилась, вот так-то...

Костя Трофимов, ученик седьмого «Б» класса и лучший баскетбольный нападающий своей школы, понимал это совершенно ясно.

Хотя сначала всё шло хорошо. И даже слишком. Костя два раза бросил почти с середины площадки, и оба раза мяч бессильно затрепыхался в корзине. Правда, потом защитники прилипли к Косте и бросать больше не давали ни с близкого расстояния, ни с дальнего, но те-то два бросочка чего-нибудь да стоили!

Тренер, низенький, совсем не баскетбольного вида дядька, удивлённо поднимал брови после Костиных

бросков и что-то шептал своему помощнику, молодому и очень серьёзному парню.

Надо было, конечно же, надо было показать что-то ещё — хотя бы коронный Костин прорыв по правому флангу с передачей под щит юркому Славке Умрихи-ну — это было бы верных два очка. Но Славка не пошёл записываться в секцию — дела, видите ли, поважнее есть, — а с чужими ребятами так вот запросто не сыграешь, не поймут с ходу.

Костя попробовал пройти сам — мяч отобрали; сделал рывок, предлагая себя, — не увидели. Тут игра закончилась — и десяти минут, наверное, не побегали. Тренер, не вставая с места, дал команду:

— По парам!

Быстро разобрались по двое. Косте достался костлявый вёрткий паренёк, тоже из новеньких.

— Борьба! — негромко скомандовал тренер.

Костлявый быстро схватил Костю за локти, потянул на себя. И каким-то неуловимым движением швырнул на пол. Было совсем не больно, да Костя даже и не думал, больно ему или нет. Перевернувшись на живот, он посмотрел на тренера. Но тот отвернулся, словно ни Кости, ни его грозного соперника вовсе не существовало.

А может, так даже и лучше, что тренер ничего не видел.

Костя быстро вскочил, тоже схватил костлявого за локти, примерился, как бы получше бросить, и... тут же вновь оказался на полу. И не просто оказался, а с каким-то противным шлепком распластался во весь свой немаленький рост.

Тренер и его серьёзный помощник разом оглянулись: то ли шлепок был слишком громким, то ли просто

решили посмотреть в их сторону. Костя медленно поднялся на ноги. Ну зачем всё это, зачем?! Что они, борцами собираются стать, что ли? Вот снова начнётся игра, тогда он покажет!

Тренер как-то странно усмехнулся и хлопнул в ладоши:
— Канат!

Все по очереди полезли к потолку по толстому, толще Костиной руки, канату. Костя легко и быстро, без помощи ног, вскарабкался на самый верх и победно посмотрел оттуда на тренера.

Но тренер опять отвернулся. Да что же это такое?!

Под конец тренировки снова была игра! И мастер, казалось, смотрел только на него, ученика седьмого «Б» класса Костю Трофимова, лучшего нападающего школы. Под пристальным его взглядом броски у Кости не клеились, атаки кончались пробежками, только пасы были мягкими и точными. Но почему-то доставались нападающим соперников.

Когда все, и «старенькие», и «новенькие», выстроились в одну шеренгу, Костя ещё надеялся. Потому что были ведь, были те два бросочка в первой игре. Позорную схватку никто, кроме костлявого соперника, не видел. А то, что как лягушка растянулся на кожаном мате, — ну и что, кто знает, что до этого было?!

Канат — не придерёшься.

Помощник подал тренеру большой лист бумаги. Перед началом тренировки все новенькие записали туда свои фамилии.

— Трофимов! — первым тренер громко назвал его.

Костя покраснел и вышел из шеренги. Тренер рукой указал место слева от себя:

— Становись!

И тут же назвал другую фамилию. Всех новеньких быстро, лишь мельком оглядывая, перестроили в две шеренги, по обе стороны от коротышки-тренера. Костя было успокоился, когда через два человека от него встал костлявый — тот самый, что так лихо швырял его на пол. Справа от тренера стояли трое, слева — больше десятка.

— Ну что ж, ребятки, — добрым голосом начал тренер, — посмотрел я на вас, посмотрел... Вы мне, ребята, понравились... Рад бы всех вас взять, да не могу.

Вот тогда-то Костя и понял, что жизнь его не удалась. Потому что другого спортклуба в их небольшом городке не было, а в этот — набор раз в год.

— Так вот вы, ребяташки, — тренер посмотрел на троицу справа, — приходите в среду, в спортивной форме, понятно?

— Понятно! — дружно гаркнули «ребятишки».

— Ну а вы, друзья дорогие... Не у всех сразу получается... В следующий раз посмотрим... А пока...

В коридоре костлявый презрительно хмыкнул и вихляющей походкой поплёлся в раздевалку, мурлыкая под нос какую-то песенку. Косте показалось, сквозь слёзы. Остальные шли молча.

Костя стоял в коридоре возле замёрзшего окна и не мог понять, что же произошло. И если произошло, как такое могло случиться. Как он, лучший нападающий школы, тот, перед кем трепетали даже защитники-восьмиклассники, вдруг оказался у этого маленького окошка, сквозь которое и летом-то почти ничего не видно, а зимой и подавно. На этом противном окошке мороз нарисовал свои дурацкие, никому не нужные узоры.

Костя прижал большой палец к холодному стеклу. Протаяла круглая дырочка.

И тут Костя словно очнулся. Чуть пониже растаявшего круга приложил к стеклу ребро ладони, слегка прикоснулся в другом месте. Так рисовать по морозному стеклу умел в своей школе только он, Костя Трофимов, ученик седьмого «Б».

Нарисованный на стекле тренер получился очень похожим. Коротышка с длинным носом — Костя специально сделал ему нос подлиннее, и получилось похоже, даже лучше, чем если бы он нарисовал нос таким, каким тот был на самом деле.

А рядом — тот громила. Вот так его! Молодой, а уже сутулый, пополам согнулся, начальника своего слушает.

А вот и команда их, все как обезьяны по канатам развесились!

Кто-то кашлянул за Костиной спиной. Костя обернулся — тренер.

— Ну а ты что домой не идёшь?

Костя промолчал.

— Да, я понимаю, тебе нельзя без баскетбола, — вздохнул тренер, и Костю неприятно кольнула мысль: откуда он узнал?

— Видишь ли... — Тренер вдруг увидел Костины рисунки. — Хм... Да-а...

«Ну и пусть смотрит! Пусть! Пусть знает!»

— Да-а... — повторил тренер, — здорово! Неужели я в самом деле такой?

— Если нет, как же вы догадались, что это вы? — буркнул Костя.

— Ну да, конечно, — просто согласился тренер. — Ты пойми меня, дружок. Пойми правильно. Ты — не баскетболист.

— А кто, кто?! — запальчиво выкрикнул Костя.

— Не знаю, парень. Если б знать... Ну а вот так, — тренер кивнул на рисунки, — ты думаешь, кто-нибудь из них сможет?

Он не сказал, кто это «они», но и так было понятно — те, кому повезло, те, кто остался в зале и снова придёт в среду!

— А вы попробуйте выгоните их тоже, может, кто-то и нарисует!

— Вот только не надо быть злым! — Тренер положил на Костино плечо неожиданно тяжёлую руку. И ничего больше не сказал, вернулся в зал. А для чего выходил — непонятно.

Костя посмотрел ему вслед, потом на своё «творчество». И стало ему невыносимо противно, потому что эти его рисунки...

Ещё никогда в жизни не рисовал он такой гадкой неправды! И тренер совсем не такой!

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

В нашем городке кое-чего, конечно, не хватало.

Ну, например, уличных часов. То есть они вообще отсутствовали.

И с памятниками было негусто. Единственный стоял с протянутой рукой посреди центральной площади, и время определяли по тени от его руки. Утром она ложилась точно на порог «Гастронома», и двери сразу отворялись. А к вечеру, когда указывала на городскую управу, рабочий день заканчивался. Так и жили у нас не по часам, а по руке. Хорошо, что солнце светило большую часть года, не считая месячного сезона дождей, в пору которого наступало сущее безвременье.

Впрочем, никто не жаловался, поскольку много чего другого было в избытке. Начиная с вечной мерзлоты, лежавшей под нашим городком уже миллионы лет трёхсотметровым слоем, — настолько тут всё окоченело в период великого оледенения. За лето земля немного оттаивала. Копаешь, копаешь червей, увлечёшься, а нос уже покраснел и руки застыли — зимняя стужа из ямы.

Вечная мерзлота двигалась, кочевала. Иногда выпрет вдруг ни с того ни с сего ледяным бугром, обязательно под каким-нибудь домом, спихивая его, как кепку, набекрень. Однако никто не покидал такие дома. Никуда не денешься — живи набекрень!

По каким-то причинам именно из этих домов происходили нарушители законов, и участковый Фёдор Чур вписывал всех жильцов как заранее подозреваемых в специальную тетрадь с отпечатками пальцев и ступней.

Когда человек живёт на вечной мерзлоте, стоит ли задумываться о сиюминутном, о времени вообще, — навряд ли. Но всё же некоторые размышляли и рассуждали.

— Ничего вечного в этом мире нет! — говорил зоолог Волкодав. — Температура повышается, подтекают уже полюса, и здешняя мерзлота непременно, рано или поздно, отступит, растает.

— Вряд ли на нашем веку, — вздыхала тётя Муся.

— И прекрасно, что не на нашем! — утешал зоолог. — Поскольку возникнут сплошные болота!

В городке заспорили, что лучше — мерзлота или болота. Даже появились две партии — мерзлотников и болотников. Консерваторы и анархисты. Первую создал городской голова Александр Радищев, а вторую — лодочник-моторист Стёпка Разин.

Надо сказать, что наш городок на три четверти состоит из фамилий славных, звучных, исторически знаменитых. Как и у вечной мерзлоты, тут свои стародавние обычаи. Когда в здешние места пришли русские, то первым делом окрестили местные племена и нарекли, не долго думая, теми православными именами, что были, как говорится, на слуху.

Так, в нашем тихом городке проживали шофёр Михайло Ломоносов и бухгалтер Гаврила Державин. Александр Суворов работал в пожарном депо, а Денис Фонвизин — директором «Гастронома». Иван Крылов — инвалид в коляске. Зато Николай Карамзин, библиотекарь, дей-

ствительно писал историю городка, основанного, как выяснилось, ещё Тамерланом. Да что долго говорить! Легче открыть учебник российской истории за седьмой класс — там все наши земляки.

Особенно часты фамилии известных атаманов-разбойников. Любопытно, что они проживали, как правило, в тех скособоченных вечной мерзлотой домах. Множество Разиных, дюжины три Пугачёвых, младшенький Емелька учился в нашей школе, некий Павлюк, заслуживший всего строчку в учебнике, и несколько Болотниковых, один из которых Иван Исаич, полный тёзка того, что едва не пожёг Москву, а потом был ослеплён и утоплен.

Странно было жить среди таких фамилий. Будто не только под нами вечная мерзлота, но и само время застыло, как зимний воздух, искрится недвижно, да вдруг колючим и звонким ледяным порывом устремляется неведомо куда — то ли по кругу, то ли по спирали, точно смерч.

Всё путалось, перемешивалось, и казалось порой, что сам я как следует ещё не родился, гляжу со стороны, посторонний, находясь в другом времени, тёплом, уютном и шелковистом, как кокон бабочки. Жёсткий ветер свистел где-то высоко над головой. А моё время в ту пору было медовым — сладким и тягучим, вечным. Медленно-медленно капало оно, будто сосновая смола жарким июльским днём.

Что же касается городского головы, то он подлинно был прямым потомком Александра Николаевича Радищева, непримиримого царя-ненавистника, сосланного Екатериной Великой в Сибирь, на вечную мерзлоту.

— Звери алчные! — орал наш Радищев, когда в управу приходили просители. — Пиявицы ненасытные!

Многие думали, что именно он написал «Путешествие из Петербурга в Москву», и просили автограф. Радищев не отказывал, но замечал, что с тех времён взгляды его сильно изменились — особенно на устройство государства, барщину, оброк и повинность. Он был, так сказать, поборником и прямо говорил, что столичные власти дремлют в неге, когда пора уже вводить крепостное право. «Хоть какое-то право должно быть! — восклицал на совещаниях в управе. — Например, у нас в городишке ни заводов, ни фабрик — воздух чистейший! Так почему бы не обложить налогом, хотя бы для приезжих?!»

Триста метров льда под ногами, наверное, влияют на характер. И вечная мерзлота проникала через подошвы, замораживала иных от пяток до темени, превращая в эдакие непоколебимые айсберги. Сам наш городской голова, бывало, оттаивал сантиметра на три. Обычно перед банкетами, когда, никому не доверяя, любовно протирал бокалы и рюмки. «Успокаивает, — говорил Радищев, поглядывая сквозь хрустальное стекло на солнце. — Зрю сквозь целое столетие!»

Относительно воздуха он, конечно, шутил в память о далёком предке, однако о вечной мерзлоте задумывался всерьёз — очень хотелось использовать.

Как-то погожим днём Радищев прогуливался вдоль реки, прикидывая, перекинуть ли мост, воздвигнуть ли плотину, когда увидел огромный экскаватор, застывший, как монумент, над обрывом. Его стрела с ковшом, будто протянутая рука, поднималась высоко, доставая тенью другой берег. Казалось, прорыл речное русло и занемог, измождённый. Спущена ржавая гусеница. Семь облупленных звёзд на боку, какие рисуют на танках и

самолётах, по числу уничтоженных противников. Вероятно, он выкопал семь искусственных морей. Так или иначе, а экскаватор напоминал о чём-то славном и великом, что было когда-то и ещё, возможно, может быть. Глядя на него, вдыхая механический запах, Радищев до того оттаял, что всё бы отдал, найдись в ту минуту проситель.

«Экс-каватор! — задумчиво произнёс Радищев, знавший начала других языков. — Бывший каватор, то есть копальщик. Трудился всю жизнь — рыл, копал. А нынче экс, и никому не нужен. Сик транзит gloria мунди, — вздохнула на латыни городская голова, мрачно озарённая дурными предчувствиями. — Да пропади пропадом весь этот мунди! — встрепенулся он. — Но глаорию ещё потискаем! Слава от нас не уйдёт».

Тем же днём у Радищева возникли всякие виды на экскаватор. Неплохо, полагал он, открыть в кабине кафе-мороженое и бар, а на стреле укрепить канат для прыгунов-безумцев. Заманчиво продать монголам, выдав за боевую машину. Недурно обрядить его мамонтом, чтобы подавал трубный голос, когда редкие баржи проходят по реке. Соблазнительно сдавать в аренду приезжим археологам, если не для рытья, то под жильё. Или же, отремонтировав, выкопать поблизости море Радищева с проливом в океан — хотя не первое будет, а только лишь восьмое...

В общем, этот старый экскаватор в конце-то концов и поселил в городской голове глубокие размышления о копании и рытье вообще, но с уклоном к славе, которые постепенно и привели к смелому до безумия проекту: сотворить метро в нашем городке. Радищев живо представлял, как в ледяных стенах туннелей, будто в замо-

роженном аквариуме, виднеются нетленные останки мамонтов и питекантропов, саблезубых тигров и примедведей величиной с бульдозер. А если копнуть поглубже — почему бы и нет?! — трёхгорбые рогатые верблюды, птеродактили и динозавры...

Идеи захлестнули до одышки: метро по всем просторам мерзлоты, музей, какого не бывало, и обширнейший холодильник, куда поместятся запасы всей страны! Да, вечная мерзлота сохранит его имя — и, разумеется, не только как потомка вздорного самоубийцы.

Безусловно, с метро предстояло много волынки, и Радищев решил для начала открыть мемориал в честь будущих мерзлотопроходцев. За основу приняли всё тот же экскаватор. Правда, не удалось выяснить, откуда он и с каких пор здесь, на берегу реки. Даже Николай Карамзин ничего не обнаружил в городской летописи.

Тем временем создали отдел пьедесталов, где обсуждали, на какую высоту поднять машину. Предлагали от трёх до пятидесяти метров. Радищев остановился на среднеарифметических двадцати шести с половиной. Вокруг планировалась мраморная колоннада и ступени к позолоченному ковшу, куда горожане волей-неволей должны будут опускать добровольные пожертвования — на строительство метро, а в будущем на улучшение климата и штопку щели от Тунгусского метеорита.

Экскаватор успели подкрасить и смазать кое-где машинным маслом. На этом и закончилось правление Радищева. Выплыло вдруг, что много лет назад семь человек замёрзли насмерть, работая на экскаваторе, — то ли море копали, то ли золото рыли, то ли братские могилы. Настолько окоченели, что едва руки удалось от рычагов отодрать, еле-еле вытащили из кабины. Впро-

чем, может, и с мемориалом и с метро всё бы обошлось — могли бы даже поощрить. Но тут приключилось небывалое наводнение. Вместо законного месяца дождь зарядил на три, напрудив целое море с проливом в океан, которое так и называли, пока вода не спала, — море Радищева. Этого великого потопа ему не простили. Мол, недоглядел за природой. И сняли буйную его, беспокойную голову с нашего городка. Скорый и неправый, как всегда, судебный совет определил у Радищева утомление рассудка и порешил сослать на минеральные кавказские воды.

Потом дошли слухи, будто бы, не стерпев унижений, Радищев то ли бросился вниз головой с горы Машук, то ли утопился в целебных грязях, оставив короткую записку: «Потомство за меня отомстит!» Хотя какие у него потомки? Последним был поборник наш Радищев, и того не сберегли — пострадал, как многие, от власти.

В его смерть наш городок не поверил. Такие не гибнут! К тому же тело так и не отыскали — ни под горой Машук, ни в целебных грязях. Наверняка, говорили наши, работает в столице — каким-нибудь очень тайным советником. «А в начале своего пути простым экскаваторщиком моря копал. Взглядом камни дробил, а голосом — фужеры! Правителям за обиженный народ плахою грозил!» — так вспоминали о бывшем городском голове.

Семизвёздный экскаватор так и остался у обрыва над рекой, что было для многих нежданной удачей. Наши ребята в нём души не чаяли. Летом самые отважные прыгали из ковша или со стрелы «солдатиком», уходя под воду до илистого дна, где увязали по колению, едва хватало воздуха выбраться и всплыть.

По тени от стрелы, как по руке памятника, тоже определяли время. К трём часам она достигала середины реки. Мы плавали туда-сюда по этой ажурной, будто полоса тюля, тени, и в глазах начинало рябить, так что выходили из воды, пошатываясь, примерно в шесть тридцать, когда тень криво заползала на другой берег.

Ну а зимой, особенно в сумерки, экскаватор можно было представить какой угодно машиной — от подлодки до космической станции. Открывалась и гулко захлопывалась тяжёлая дверь. Сквозь пустые округлые окна виднелась замёрзшая река, далеко-далеко внизу, будто пролетаешь над ней в самолёте. Но что особенно важно, из металлического пола кабины торчали две огромные, как след снежного человека, педали, и подымалась целая камышовая поросль разновеликих рычагов, которые двигались, побряхтывая, во все четыре стороны. О, какие рычаги! Высоченные и карликовые, толстые, но стройные, плавно искривлённые, увенчанные круглыми набалдашниками.

Как не полюбить такие рычаги?! За них хотелось держаться с раннего утра до позднего вечера, воображая себя лётчиком-танкистом-космонавтом-гонщиком-бульдозеристом или даже экскаваторщиком, одним из тех семи, что замёрзли, так и не выпустив их из рук, эти дивные рычаги.

Экскаватор притягивал меня. Повсюду я слышал его промёрзший, ржавеющий голос, зовущий к рычагам. Это было вроде наваждения. По сбивчивым рассказам родителей я знал, что мой далёкий прадедушка сгинул когда-то — может, ещё во времена первого Радищева — в вечной мерзлоте. Не был ли он в той семёрке, копавшей неизвестно что?

Я приходил к экскаватору один, без приятелей. Когда никто не мешает, куда как глубже окунаешься в другой мир, увязаешь в нём по колени, а то и по шею, как в речном иле. Всё проступает острее, ясней. И зимняя ночь запросто становится июльским полднем.

Переговорив с диспетчером, я заходил на посадку и уже видел огни огромного города, вынырнувшего, как всегда, внезапно, из низкой плотной облачности. Как вдруг хором вспыхнули красные лампочки на приборной доске, а ровный гул моторов резко оборвался, и замерли разом все четыре пропеллера. Я растерялся, не зная, что делать. Прыгать с парашютом подловато, поскольку сзади сотня пассажиров. Можно, конечно, заменить пропеллеры турбинами или самолёт, к примеру, стратостатом, но тогда ломается, идёт насмарку вся история, созданная этим вечером, — должна же быть хоть какая-то достоверность.

Времени до крушения оставалось минут пять или лучше — пятнадцать. Я быстро выбрался через окно и пополз по крылу, надеясь запустить моторы. Ну, подышу на них, отопрею, смахну пыль и соединю какие-нибудь проводки. Крыло изрядно обледенело, варежки прилипали к нему, а ноги скользили. Чем дальше я полз, тем сильнее налетал ветер, норовя стянуть и уволочь.

Добравшись-таки до главного двигателя, я глянул вниз и неожиданно увидел весь наш городок: водокачку, пожарную вышку, памятник, приветливо махавший рукой, баню, бочку водовоза и самого Колодезникова, снежного человека над вечной мерзлотой, школу и мой дом, где светились два окна. И сразу ощутил, как глубоко продрог на этой железной стреле экскаватора, сидя

прямо над пастью зубастого ковша. Торопливо начал спускаться. Ноги скользнули, разъехавшись, руки, взметнувшись, промахнулись, грубо дёрнуло сзади, и я повис, подобно кокону, меж небом и землёй, подцепленный за хлястик ковшовым зубом. Я угодил в такое замирание, будто куколка, ожидающая неведомого для неё превращения.

Ветер пронизывал. И городок наш вроде отдалялся, погружаясь в тёмную пропасть. Зато надвигались звёзды. Казалось, я ближе к ним, к космической мерзлоте, нежели к земной. Уже весь мир лежал перед глазами — от Адама в райском саду до наших студёных будней.

«В такую пору птицы на лету дубеют», — вспомнил чьё-то наблюдение. Семь человек окостенели в этом экскаваторе. Может, прадедушка приглашает меня восьмым? И нарисуют новую звезду на дверце. Но вспомнят ли добрым словом, как городского голову Радищева? Навряд ли! Вот, скажут, глупо дуба дал парнишка, глупее некуда, совсем по-дурацки. И я заворочался в пальто, чтобы разогреться, пытаюсь думать о прелестях райского сада. Однако затрещало — то ли мороз окреп, то ли хлястик ослабел, то ли сдавались одна за другой пуговицы. Вот-вот выпорхну из кокона, будто зимующая бабочка, ночной снежный мотылёк. Возможно, полечу?! Хотя едва ли, поскольку есть ещё одна ступенька, которой не миновать: обомлевшая куколка. Брякнусь круто вниз, слабо извиваясь, — вдребезги об лёд речной. Да так всё же приличней, достойней!

Стащив варежки, я тщился расстегнуться — последний раз в этой жизни. Но пуговицы упирались, выскальзывали из пальцев, не желая пролезать в петли.

Отчаявшись, я начал биться, колотиться, трепыхаться и вертеться в своём коконе, как чёртова куколка, обрызганная ядохимикатом. Да так согрелся, разгорячился и взревел даже яростно, будто мотор, что смазанный по указанию покойного Радищева экскаватор вдруг ожил — тяжело охнул и заскрежетал, скрипнул всеми узлами, болтами, гайками, колесиками. Ковш содрогнулся, очнувшись от многих лет покоя, медленно, притормаживая, пополз вниз, как старый лифт, и замер вновь на уровне второго примерно этажа, откуда посильно было спрыгнуть.

Две пуговицы поддались, а остальные, рванув пальто на груди, я выдрал с мясом и выпал плашмя в прибрежный сугроб. В тот зимний вечер или ночь я одолел зараз несколько ступеней созревания. Обречённый кокон на зубе ковша. Буйная, бесноватая куколка. И, наконец, бабочка, выползшая из вечной мерзлоты. Я был лёгок и окрылён, когда вскарабкался на крутой берег. Осталось полететь на свет, горящий в окнах дома, согреться у лампы и пробудиться весной.

Не сразу понял я, что моего родного времени и в помине не осталось, вытекло до капли. Совсем другое вокруг — общее, жёсткое и колючее, застывшее с угрозой. Здесь, на высоком берегу, оно сразу подхватило меня и понесло по спирали, не давая оглядеться, оборвав крылья и стряхнув нежную пыльцу, мимо многих домов, куда хотелось зайти, мимо городов, где хотелось остаться, всё быстрее, быстрее, будто смерч, возвращая на прежнее место — в вечную мерзлоту.

Домой я приполз, как жесткокрылый жук-скарабей. Папа с мамой, как всегда, были в поле — в Африке ли, в Азии ли, на каких-то островах ли...

— Мерзлота мерзлот, вечная мерзлота, — шумно дышала тётя Муся, растирая меня жиром, напоминавшим машинное масло. — Ограбили тебя, что ли, парубок?

Утром, когда мы подошли к экскаватору, пальто на зубе не было, а ковш торчал высоко, будто орлиное гнездо, под самой стрелой.

— Могло сдунуть, — задумалась тётя. — Но могли и сдуть! Пойдём-ка к участковому заявление писать.

В старой цигейковой шубе, потёртой, с короткими рукавами, я ненавидел и презирал всё что мог: наш городок с лжеисторическими фамилиями, себя с подмерзавшим задом, тётю Мусю в хромовых сапогах, участкового Чура. До чего же хотелось плюнуть, поднимаясь на милицейский порог, чтобы кто-нибудь поскользнулся. Но я удержался и вошёл вслед за тётей — бесповоротно в то общее время, которое свистело и звенело над вечной мерзлотой.

Хотя, конечно, она не вечная. Подтаает, как говорят анархисты. Да и болота в конце концов высохнут. Явится вид вроде райского сада. И что-то совсем другое начнётся, чего и представить сейчас невозможно. Новое, шёлковое и медовое, как расплавленный июльский день, как липовый цвет, гудящий пчёлами, вечное, — то ли время, то ли нет.

А на высоком берегу, будто монумент, экскаватор, и тень от его длинной стрелы, по которой легко определить время, к вечеру, как мост, перекидывается через реку. И можно плыть по ней бесконечно, от берега к берегу, туда-сюда, покуда хватит сил и желания. Теперь он вечен, этот экскаватор, бывший копальщик, с семью потёртыми звёздами на боку.

ЗАТЕЙНИК

НОВОГОДНИЙ ТЕСТ

Деда Мороза и его внучку Снегурочку любят все! Без них Нового года мы себе не представляем. Каждый год, в канун новогодних праздников, их с нетерпением ждут и взрослые, и дети. Взрослые знакомы с ними ещё с детства, когда Дед Мороз был для них самым настоящим Дедом Морозом, приезжал с севера с подарками и водил с детворой хоровод вокруг ёлки. Со временем под бородой и усами сказочного Деда они неожиданно узнавали папу, а то и вовсе какого-то незнакомого дядьку.

Детское ощущение праздника, связанное с появлением Деда Мороза и Снегурочки, остаётся с нами на всю жизнь. Их ждут везде — на утреннике в детском саду, на дискотеке в школе, на корпоративе в престижной фирме. А не хотите попробовать себя в роли Деда и Снегурочки? Сможете ли вы не терять чувство юмора, таская с утра до вечера тяжеленные мешки с подарками, и приветливо улыбаться, отдавая какому-нибудь оболтусу супергаджет, о котором давно мечтаете. Ответьте на вопросы теста, подсчитайте баллы и узнайте, подходит ли вам эта работа.

Ответ «А» — 5 баллов, «Б» — 10 баллов, «В» — 15 баллов.

ДЛЯ КАНДИДАТОВ В ДЕДЫ МОРОЗЫ

1. Вам уже приходилось быть Дедом Морозом?

А. Нет, пока бог миловал.

Б. Да, один раз надо было развеселить младшего братишку, когда он в Новый год заболел.

В. Конечно, не помню точно сколько раз, дебют — ещё в детском саду, потом...

2. Сколько новогодних песен вы знаете?

А. «В лесу родилась ёлочка...» Как там дальше?

Б. Штуки три точно, даже слова помню...

В. Вы не спешите? Располагайтесь поудобнее, будете мне подпевать. С какой начнём?

3. У вас есть чувство юмора?

А. Ну, скорее да, но зависит...А в какой конкретной ситуации?

Б. Мои друзья считают, что чувство юмора у меня есть.

В. Сложный вопрос. Начну отвечать на него философски...

4. Скольких своих соседей по дому вы знаете по имени?

А. Никого, пожалуй.

Б. Старушку, что живёт в соседней квартире, и оборота, который постоянно нас заливает.

В. Сразу и не ответишь, надо посчитать.

5. *Кем приходится Снегурочка Деду Морозу?*

А. Помощницей.

Б. Внучкой.

В. Заместителем по финансовым и организационным вопросам.

6. *Сколько подарков носит в мешке Дед Мороз?*

А. Даже не представляю, ну пять, а может и десять.

Б. Сколько гостей, столько и подарков.

В. Сколько положили, столько и носит.

7. *Когда бывает Новогодний праздник?*

А. В ночь с 31 декабря на 1 января.

Б. С 31 декабря по 14 января.

В. Примерно с 20 декабря и до тех пор, пока требуется.

Если вы набрали до 40 баллов, быть Дедом Морозом для вас — тяжёлая роль. Вы, конечно, справитесь, но праздник может не получиться, скучно будет и вам, и тем, кто ждал вас целый год. Лучше выберите другую роль.

У вас от 45 до 75 баллов, это означает, что у вас есть шанс стать неплохим Дедом Морозом. Но при условии, что вы не будете слишком прямолинейным, перестанете стесняться и скромничать. Расслабьтесь, подучите новогодние песни, и у вас всё получится! Главное, — выберите хорошую Снегурочку.

И наконец, если ваш результат больше 75 баллов, срочно ищите спонсоров, чтобы организовать фирму «Дед Мороз в каждый дом»! Отличные Дед Морозы всегда в цене, а судя по этому тесту, вы настоящий

ветеран новогоднего марафона. Такие, как вы, — на вес золота!

ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ ЗАНЯТЬ ВАКАНСИЮ СНЕГУРОЧКИ

1. Кем вам приходится Дед Мороз?

А. Случайным знакомым.

Б. Начальником.

В. Дед он мне.

2. У вас есть опыт работы с Санта-Клаусом?

А. Нет, зачем мне это?

Б. Я работала с ним в прошлом году.

В. Нет, у него нет внучки.

3. Знаете ли вы песню «Расскажи, Снегурочка, где была?»

А. О, я и не знала, что про Снегурочку тоже есть песня.

Б. Песню, конечно, слышала, но вот слов не знаю.

В. Это моя любимая новогодняя песня, могу спеть.

4. На чём приезжает Дед Мороз со Снегурочкой на ёлку к детям?

А. Пешком приходят.

Б. На такси.

В. На тройке лошадей.

5. Сколько снежинок обычно бывает на утренниках в детском саду?

А. Утренники проводятся в помещении, откуда там снегу взяться?

Б. Несколько, думаю, что не больше десяти.

В. Зависит от количества девочек в группе, минус одна — Баба Яга, вторая — Лисичка-сестричка, а третьей к Новому году купили красное платье.

6. Снегурочка раздаёт подарки вместе с Дедом Морозом?

А. Да, конечно.

Б. Нет, это его обязанность.

В. В первые дни праздников раздаёт он, ближе к концу приходится подключаться Снегурочке.

7. Сколько новогодних конкурсов вы можете провести?

А. А разве Снегурочка должна уметь и конкурсы проводить?

Б. Ну, несколько смогу, наверное, фанты или викторину «Угадай поэта»...

В. Сейчас посчитаю. «Бросалки, сбивалки, попадалки», «Танцы с препятствиями», «Подарочный аукцион» и т.д. и т.п.

Если у вас меньше 40 баллов, то это не ваша роль на празднике. Снегурочка — это не только сопровождение Деда Мороза в красивой шубке. Это его весёлая помощница, а с вашей стеснительностью вам будет сложно. Кстати, «Снежинка» — это популярный у девочек новогодний костюм.

Те, кто набрал от 40 до 70 баллов, до Нового года ещё успеют выучить стихи, разучить песни, придумать весёлые конкурсы и стать хорошей Снегурочкой.

У вас больше 70 баллов, и вы лучшая Снегурочка! Не затмите вашим весельем и остроумием Деда Мороза, вы всё-таки только его внучка.